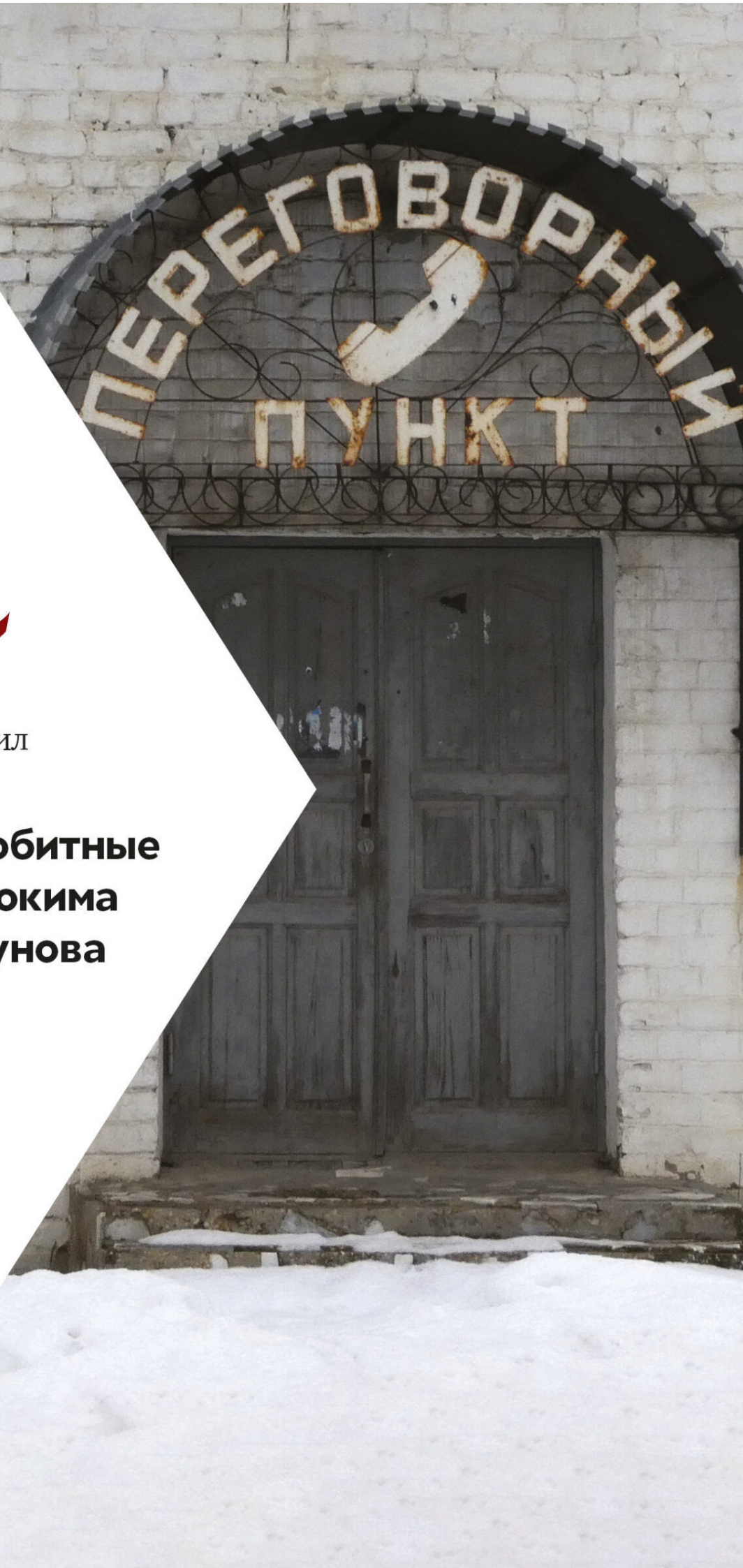

Михаил
Бару

**Челобитные
Овдокима
Бурунова**

Письма русского путешественника

Михаил Бару

Челобитные Овдокима Бурунова

«НЛО»

2023

Бару М. Б.

Челобитные Овдокима Бурунова / М. Б. Бару — «НЛО»,
2023 — (Письма русского путешественника)

ISBN 978-5-44-482344-3

От Вельска и Пудожя до Яранска и Уржума... Третья книга очерков Михаила Бару посвящена местам, в которых вряд ли окажется путешественник, охочий до известных достопримечательностей и популярных направлений. Однако у каждого из этих городов, словно у людей, своя неповторимая биография и свой уникальный характер. Крутые и трагические повороты российской истории здесь перемежаются забавными курьезами, частные судьбы сплетаются с общественными, а горе соседствует с надеждой. Описывая их с тонкой иронией и одновременно с нежностью, Бару помогает разглядеть в истории провинциальных городов что-то очень важное и для самих их жителей и для тех, кто никогда в этих местах не бывал. Михаил Бару – поэт, прозаик, переводчик, инженер-химик, автор книг «Непечатные пряники» и «Скатерть английской королевы», вышедших в издательстве «Новое литературное обозрение».

ISBN 978-5-44-482344-3

© Бару М. Б., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	8
ОБЛОМОК НАДГРОБНОГО КАМНЯ (ВЕЛЬСК)	10
ЧЕЛОБИТНЫЕ ОВДОКИМА БУРУНОВА (ШЕНКУРСК)	32
ПОЛСТАКАНА СМЕТАНЫ С САХАРОМ (УРЖУМ)	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Бару

Челобитные Овдокима Бурунова

Письма русского путешественника

Михаил Бару
Челобитные Овдокима Бурунова

Новое литературное обозрение

Москва

2023

УДК 821.161.11

ББК 84(2Рос=411.2)6

Б24

Михаил Бару

Челобитные Овдокима Бурунова / Михаил Бару. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Письма русского путешественника»).

От Вельска и Пудожа до Яранска и Уржума... Третья книга очерков Михаила Бару посвящена местам, в которых вряд ли окажется путешественник, охочий до известных достопримечательностей и популярных направлений. Однако у каждого из этих городов, словно у людей, своя неповторимая биография и свой уникальный характер. Крутые и трагические повороты российской истории здесь перемежаются забавными курьезами, частные судьбы сплетаются с общественными, а горе соседствует с надеждой. Описывая их с тонкой иронией и одновременно с нежностью, Бару помогает разглядеть в истории провинциальных городов что-то очень важное и для самих их жителей и для тех, кто никогда в этих местах не бывал. Михаил Бару – поэт, прозаик, переводчик, инженер-химик, автор книг «Непечатные пряники» и «Скатерть английской королевы», вышедших в издательстве «Новое литературное обозрение».

В оформлении обложки использовано фото автора.

ISBN 978-5-4448-2344-3

© М. Бару, 2023

© С. Боровиков, предисловие, 2023

© Ю. Васильков, дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взявшись за предисловие к третьему тому сочинений Михаила Бару («Челобитные Овдокима Бурунова») в издательстве «Новое литературное обозрение», принял эстафету у Анны Сафроновой, узаконившей в предисловии к первому тому («Непечатные пряники») особые права журнала «Волга» на этого писателя, с чем я безусловно согласен и повторять не стану.

Хочу же задаться вопросом без ответа: что подвигло ученого-химика в немолодые уже года не к поэзии, при всем законном успехе его стихов, как давно с удивлением подмечено, и очень русских хайку – поэтические наклонности овладевают людьми по черт его знает каким загадочным причинам. Нет, достойны редкого удивления не увлеченность (насколько же противное слово), не стремление (еще гаже), не пристрастие даже, хотя это и точнее, – к социально-урбанистическому чисто российскому феномену, который в СССР назывался и этим словом исчерпывающе объяснялся – РАЙЦЕНТР. В советской жизни и, соответственно, советской литературе было два центра притяжения – город и село (не знаю, что вперед). Причем город – большой, лучше огромный, лучше столица, а село дальнее, лучше сибирское, во всяком случае, окраинное, удаленное от администраций, сосредоточенное на своих колхозных делах. Районный центр в это распределение не попадал.

И вот в наши дни явился Бару с его редкой, труднообъяснимой приверженностью к тому, позволю себе сказать, градскому сословию, какое широко разбросано по нашей пространной Отчизне: райцентры, бывшие некогда уездными городами, не успевшие стать промышленными, зато сохранившие исторический облик, да во многом и нравы. Хорошо знаю, что там жизнь во всех отношениях экономически тяжелее, чем где бы то ни было, и тем неожиданнее там люди.

В своих уездных историях и летописях писатель, кроме кропотливо освоенного местного исторического материала и личных впечатлений, щедро дает волю своей ироничной фантазии, проявляя редкую разнообразием историческую мечтательность. И при этом не забывая тянуть из прошлого ниточки в сегодня, как в сюжете со скопинским Мавроди.

Я пытался найти аналогию Бару, и ничего не получилось. Были и, слава богу, еще встречаются, краеведы-энтузиасты, преодолевающие чиновничьи барьеры по сохранению значимых следов прошлого, только... только если относится к их городу.

Искал в недавнем прошлом, где бывали писатели, но только... тоже, что и краеведы, пишущие о своем: Бажов, Писахов...

Михаил же Бару словно принял обет – посетить, изучить и рассказать о находящихся за пределами привычной видимости местечках, которые, как и вся страна, на все лады тиранились сменой режимов, сочетали приверженность к видимости законов с полным их несоблюдением, ненависть к любому самомыслию, малейшей личной независимости. Но странное дело, при том что речь о бесконечных междоусобицах, сварах, доносах, на которые так щедра российская история, чтение не тяжелит, не удручает, не безнадёжит. Мне кажется очень важным, что Бару больше чем доверяет своему читателю – он приглашает его в соучастники творения текста. Он верит в безусловность союза с читателем не только в политике, но и в собственной поэтике, делая с ним то и дело своими находками, зная, что читатель сразу в чтении это оценит.

Вот имена городов, о которых рассказал писатель: Вельск, Шенкурск, Уржум, Яранск, Пудож, Лальск, Болхов, Кувшиново (Каменск), Галич, Семенов, Балахна, Пестяки, Фряново, Осташков, Берново, Старица, Торопец, Зубцов, Ветлуга, Красные Баки, Грязовец, Данилов, Лукоянов, Ардатов, Лысково, Сергач, Спасск-Рязанский, Скопин, Пронск, Михайлов, Котельнич, Кадом, Елатьма, Заволжск, Шацк. Побывать мне довелось только в вятском Яранске с отцом, который там учился, и еще имел понятие о рязанском Скопине из чеховских отчетов о

шумном уголовном процессе, и еще однажды привлек Ардатов в газетной полемике о прототипе Арбатова в «Золотом теленке».

Какие-то в силу обстоятельств известны более, какие-то возникли чуть не из небытия, общее, по Бару, – люди этих городов, и я предположу, что причина его привязанности к подобным местам именно в них. Ниже в авторском предисловии прочитаете:

Если бы я умел писать романы, то написал бы роман об этих оставшихся в провинции людях. И вообще. Лучше было бы родиться через эти самые двести лет и быть археологом, а не смотреть на все это сейчас. Это очевидно больно смотреть, а археологу уже не больно, но любопытно. С третьей стороны, есть шанс, что через двести лет или даже через сто эти очерки о городках, которые вы сейчас держите в руках и никак не решите – то ли читать, то ли отложить в сторону, археологи возьмут с собой на раскопки, чтобы читать их у костра, прежде чем пить водку и петь «Милая моя, солнышко лесное».

Этот характерный для Бару пассаж совмещает реальный взгляд на реальный историзм жизни с комическим штрихом, снимающим мнимую серьезность, так безнадежно погубившую нашу культуру.

В 2020 году я писал о поразившей тогда меня книге «Мещанское гнездо»: «Страницы Михаила Бару не хочу покидать, хочу сам читать и другим давать». А теперь завидую читателям «Челобитных Овдокима Бурунова», которым только предстоит открыть эту русскую прозу наивысшего качества как знак того, что литература все-таки жива.

Сергей Боровиков

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

За полтора десятка лет путешествий по нашей провинции насмотрелся я всякого. Живых городков, если исключить Московскую область, видел мало. Гораздо больше полуживых и еще больше полумертвых. Полуживые – это те, в которых еще есть остатки производства или производство умерло, но не так давно, и еще не все поняли, что это навсегда. Есть ряд почти живых, которые с трудом, но все же держатся за счет приезжающих время от времени туристов или дачников, или какой-нибудь лесопилки, или сыроварни, или санатория, или даже тюрьмы. Остальные – полумертвые или совсем мертвые. Там нет ни производства, ни туризма. Там живут родители, жены и дети тех, кто уехал на заработки в большие города. Там они их ждут. Некоторых напрасно. Таких городков я видел около сотни, не меньше. Думается мне, что та русская провинция, которую мы воображали себе по рассказам Чехова, Паустовского, Распутина, умирает... Нет, так не пойдет. Это получается вместо панихиды, а не вместо предисловия. Зайдем с другой стороны.

Лет через сто или двести в автомобильных дорогах нужды не будет – все полетят. Мы станем жить в больших сверкающих муравейниках или на хуторах под прозрачными куполами силовых полей. Райцентров, деревень и сел тоже не будет, но останутся заросшие кустарником и лесом полуразрушенные автомобильные дороги, ведущие к заброшенным кологринам, ардатовым и ветлугам. Останутся старинные бумажные дорожные атласы, на которых все эти весьегонски, зарайски и устюжны будут отмечены. От электронных карт толку не будет – их постоянно обновляют. Бумажные атласы будут стоить бешеных денег – по ним археологи и черные копатели будут отправляться на поиски наших заброшенных провинциальных атлантид. Кто-то будет возвращаться обратно в мегаполисы с мешками, полными старинных часов с кукушками, древних транзисторных приемников и альбомов с фотографическими карточками в бархатных, изъеденных молью обложках, а кто-то и не вернется, оставшись там навсегда. Об оставшихся сложат страшные, леденящие душу легенды. Будут рассказывать о затерянном в Вологодской или Кировской области древнем уездном городке, в котором еще живут те, кто не захотел уходить в мегаполисы или в специализированные агрогорода, обслуживать сельскохозяйственных роботов. У знакомых или знакомых знакомых обнаружатся друзья или очень дальние родственники, ушедшие навсегда в дремучую, дикую провинцию – к собственным колодцам, огородам, грибам, хлебу, испеченному в печи, к школам с партами в классах, учениками, живыми учителями и к библиотекам с бумажными книгами на полках. Оттуда будут изредка приходить оставшимся в мегаполисах родственникам и знакомым бумажные письма, которые будут приносить бородатые люди в домотканой одежде, а со временем и вовсе перестанут.

К чему я это все... Если бы я умел писать романы, то написал бы роман об этих оставшихся в провинции людях. И вообще. Лучше было бы родиться через эти самые двести лет и быть археологом, а не смотреть на все это сейчас. Это очевидно больно смотреть, а археологу уже не больно, но любопытно. С третьей стороны, есть шанс, что через двести лет или даже через сто эти очерки о городках, которые вы сейчас держите в руках и никак не решите – то ли читать, то ли отложить в сторону, археологи возьмут с собой на раскопки, чтобы читать их у костра, прежде чем пить водку и петь «Милая моя, солнышко лесное».

Р. С. Правду говоря, к этой книге, рукопись которой была готова еще три года назад, я тогда же написал совсем другое вместо предисловия. Теперь вот думаю: куда такое годится? Никуда. Чемодан без ручки, а не вместо предисловия. Выбросить жалко, а нести... Пусть останется в примечаниях.

Написать бы историю России в челобитных. Томах в десяти. Так, чтобы с детальным анализом: о чем просят, на кого жалуются, кому бьют челом и что в результате получилось. С графиками зависимости всех этих переменных от губернии, времени года, века, социального положения и умственного развития. Потом взять все эти десять томов и отправить... да куда угодно – можно в ООН, можно в МВФ, можно в ЕСПЧ и даже в Красный Крест. И отовсюду нам пришлют деньги и гуманитарную помощь. Римский папа нам отпустит все прошлые грехи и выдаст индульгенции на будущее. Может быть, нас даже заберут всех отсюда пожить куда-нибудь в теплые края. Возьмут в хорошие семьи, будут кормить на убой и показывать гостям. Мы будем становиться на табуретки и тихим, дрожащим голосом читать: «Мы, холопи твои, Ондрюшка, Ромашка, Михрютка... по грамоте отца твоего государева блаженные памяти государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси... в станах и волостях многие села и деревни разбойники разбивают, и животы твои губят, и крадут и убивают людей до смерти... с голоду пухнем... обнищали... Христа ради...» – или «Дорогой и любимый товарищ Сталин! Наш любимый вождь и учитель... расстрелять, как бешеных собак... японских шпионов... троцкистских гадин... ни одного врага народа не оставим на земле...»

Нет, это лишнее. Лучше такое: «Уважаемый Владимир Владимирович! По грамоте крестного отца вашего, блаженные памяти Бориса Николаевича... моя пенсия... сорок пять лет трудового стажа... имею медаль... грамоты... макароны... таблетки... за отопление, за электричество... кроме вас, надеяться не на кого...» Нам будут подкладывать лишние куски в тарелки, приносить почти не ношенную одежду, ставить каждый вечер на прикроватные тумбочки маленькие бутылочки с водкой... Впрочем, все это быстро кончится. Долго нас никто не вытерпит. Даже мы сами.

ОБЛОМОК НАДГРОБНОГО КАМНЯ (ВЕЛЬСК)

Рассказ о Вельске можно начать сразу с двух цитат. Первую возьмем из книги «Путешествие по северу России в 1791 году» писателя и этнографа Петра Ивановича Челищева: «Дикие чудные места оставляют неизгладимое впечатление, громада растительности во всей ее девственной красоте, подобных картин природы не встретишь в центральной России». Вторая принадлежит Матвею Николаевичу Мясникову – купцу, исследователю истории Русского Севера и архивисту. В начале девятнадцатого века в своей книге «Исторические черты о городе Вельске, собранные из древних летописей, старинных книг и архивных бумаг» он писал: «Древнее или первоначальное бытие Вельска, как и других многих городов, мелькает в отдаленном мраке времен, и водворение первых его обитателей, когда воспоследовало, никаких старобытных памятников не видно или не сыскано. Только летописи российские по случаю в первый раз о нем упоминают, как месте, принадлежащем Новгородской державе, в 1397 году».

С первой цитатой не поспоришь – Петр Иванович, побывавший в верховьях реки Ваги, в тех местах, где расположен Вельск, написал все как есть – и места чудные, и громада растительности во всей ее девственной красе, и впечатление оставляют такое же неизгладимое, как и двести с лишним лет назад, а вот вторая цитата устарела. Оказался Вельск старше тех лет, которые отмерял ему Матвей Николаевич, ровно на двести шестьдесят лет. Оказался Вельск старше самой Москвы на десять лет. В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича написано, что в казну новгородского Софийского собора будет поступать дань с «селения Вель». Так тогда назывался Вельск, находившийся неподалеку от слияния рек Вель и Вага. Ко времени упоминания «селения Вель» в тех местах уже давно и прочно осели славяне, потеснив, как обычно, тихие и совершенно не воинственные финно-угорские племена, которые частью смешались со славянами, а частью забрались еще глубже в дремучие северные леса, которые тогда изобиловали зверьем, грибами, ягодами и орехами. Кстати, они и сейчас ими изобилуют. Не в такой, конечно, степени, как в те, для нашей истории практически античные, времена, когда после дождя, особенно по четвергам, грибы сами приходили к порогам лесных избушек, но все же. Про изобилие рыбы в Ваге и Вели и говорить нечего. Тогда рыба заводилась даже в больших лужах, если случалось дождливое лето. Впрочем, это были караси и ерши, которых ловили только ребяташки для забавы и на корм кошкам. До сих пор кроме самых обычных лещей и щук в Ваге водится и семга, и хариус, и, как говорили мне местные жители, стерлядь. Сами они ее, конечно, не ловят, поскольку это строго запрещено, а только показывают руками размер рыбы.

Вельский погост

Впрочем, мы отвлеклись. После того как в этих местах поселились славяне, пришедшие из средней полосы в поисках хорошей жизни, сюда пришли другие славяне, из Великого Новгорода, в поисках дани. Лет через тридцать после первого упоминания Вельска на голову местных жителей свалились и третьи славяне, из Ростово-Суздальского княжества, которые стали воевать со вторыми за право собирать дань с первых. Князь Андрей Боголюбский попросту отобрал силой уже собранную дань у новгородских сборщиков. Тем не менее новгородцы активно колонизировали земли по берегам Ваги, и к концу четырнадцатого века там появились владения нескольких семей новгородских бояр. К этому времени поселение на Вели стало погостом, и в нем уже была приходская церковь. Погост в нашем случае означает поселение с приходской церковью, кладбищем и торговым местом. Сюда можно было приехать погостить, собрать дань, набрать медвежьих шкур и лосиных рогов для украшения городских хором, приказать старо-

сте выкатить бочку сыченого меда или местного пива, съесть с друзьями целиком зажаренного быка или свинью, похлопать старосту по плечу и шепотом пообещать его дочке непременно забрать ее из этого медвежьего угла в Новгород.

Кстати, о старосте, который тогда назывался волостель. Вельский волостель Исая за три года до наступления пятнадцатого века доносил новгородскому начальству, что московский воевода Андрей Албердов с войском взял Вельский погост и посадил там наместником князя Федора Ростовского. Албердова и Ростовского послал воевать Вельск сын Дмитрия Донского – Василий Дмитриевич. Через год Новгород послал в Вельск трех посадников с дружиной. В те времена еще никто не знал, что с Москвой лучше не связываться, и потому новгородцы великокняжескую дружину разбили, у князя Ростовского уже собранную дань отобрали и его самого со свитой выпроводили домой. Еще и с московских купцов, торговавших в тех местах, взяли по триста рублей.

И все же, несмотря на временные успехи новгородцев, с начала шестидесятых годов пятнадцатого века и Важская земля, и Вельский посад перешли под длинную и загребущую руку Москвы. Старосты и тиуны назначались теперь московскими князьями, а уж после битвы на реке Шелонь, когда московские войска наголову разбили новгородское ополчение, весь Русский Север окончательно вошел в состав Московского государства.

Ходоки у Грозного

В середине шестнадцатого века в Важскую землю Москва направила государевых писцов Ивана Заболоцкого и Дмитрия Темирова, которые составили первые писцовые книги. Вельский погост стал называться Вельским посадом. Перемена названия, впрочем, была лишь половиной или даже четвертью беды. Бедой было то, что Москва умела переписать все до последнего гвоздика и котенка, а переписав, обложить непосильными податями, включая и гвоздик, и котенка. Одновременно с переписью в этих краях развелось несусветное количество наместников, тиунов и следователей, называвшихся доводчиками, которые, не получая жалованья, жили поборами с местного населения и довели посадских людей до того, что те написали письмо Ивану Грозному и отправили в Москву ходоков, которые эту челобитную отдали царю в собственные царские руки. Жаль только, живописцев тогда у нас не было подходящих, чтобы написать картину «Ходоки у Грозного». Хотя, скорее всего, принял у них челобитную какой-нибудь дык, а то и подьячий в Поместном приказе, забрал связку беличьих шкур, лосиные рога, вяленого хариуса, соленую семгу и березовый туес с красной икрой, которая немного испортилась дорогой, но была еще вполне съедобной, и велел немедля отправляться восвояси. Еще и ногой топнул. От Вельского стана ходили с челобитной трое – Ромашка Онанин сын, Ивашка Семенов сын и Ивашка Иванов сын.

Шутки шутками, а кормления Грозный отменил, и в Вельском посаде стали выбирать себе начальников, которые управляли, судили и собирали подати. При Иване Грозном Вельск в составе Поморья был записан в опричнину. Нельзя сказать, что это как-то отразилось на жизни Вельска. Жили мирно. Ни крымские, ни казанские татары, ни ногайцы сюда не набегали. Вернее, не добегали. Вот только перед самой Смутой из-за неурожая и последовавшего за ним голода вымерло около двух третей населения. В начале семнадцатого века деревни на Севере были маленькие – из двух, из трех, из четырех домов. Столько их вымерло... В 1612 году добрались до верховьев Ваги поляки под началом гетмана Шелковского и казаки с атаманом по прозвищу Баловень. Вельск взять не смогли, но разорили все, что смогли разорить¹. Уводили

¹ Разорили, но не все. Кое-что осталось. В шестидесятых годах прошлого столетия нашли в Вельске большой серебряный клад, который зарыл подальше от поляков и казаков кто-то из богатых или даже очень богатых вельчан. Состоит он из множества монет – тех, что называют чешуйками, и украшений.

скот и отбирали хлеб. Утащили даже колокола с колоколен. Особенно свирепствовали казаки Баловня – мало того что грабили, так еще и насыпали людям в уши порох и поджигали. Баловня поймали и повесили за ребро в Москве, но потом.

Смута кончилась, и по приговору Земского собора Важская земля и в ее составе Вельский уезд отошли в вотчину князю Трубецкому. Мирная жизнь у разоренных жителей Вельского посада и волости началась с повышения налогов. Если в 1614 году собрали тысячу шестьсот рублей, то уже в следующем – почти десять тысяч. Потом смилоствились и стали собирать по семь тысяч. Начали крестьяне от таких налогов убегать. Понятное дело, что на юг не побежишь. Бежали в Сибирь. Треть домов в деревнях опустела. Только к концу семнадцатого века в Москве решили дать крестьянам передохнуть и уменьшили налог вдвое.

Смолокуры

Основной государственной повинностью, кроме уплаты налогов, было поддержание в исправном состоянии участка дороги от Москвы до Холмогор. Зимой ее надо было очищать от снега, а летом устраивать перевозки и ремонтировать мосты. Дорога в районе Вельска шла то по одному, то по другому берегу Ваги. Все волости Важской земли, включая Вельскую, отвечали за участок дороги длиной четыреста верст – от верховья Ваги до ее впадения в Северную Двину. На нее снега наваливало столько, что приходилось весь год чистить. Летом грузы отправляли на плотах, каяках и карбасах по Ваге до Северной Двины, а там и дальше – до самых Холмогор на ярмарку, поскольку Архангельск появился в самом конце царствования Ивана Грозного. Везли продавать большей частью рожь, поскольку пшеница в тех краях растет плохо, немного овса, немного гороха, немного ячменя, лен, хмель, коровье масло, живых коров, быков, соленые рыжики, сукно, овчины, самый толстый и самый грубый холст-хрящ. Отдельно надо сказать о смоле. При всех природных богатствах Важского края крестьянину было тяжело прокормиться земледелием и разведением скота. Если сложить вместе рожь, горох, ячмень, коров, быков, лен, сукно и соленые рыжики, то все равно до прожиточного минимума дотянуть не получалось. Подати рыжиками не уплатишь – нужны были деньги. Пожалуй, самым главным промыслом в Поважье и, конечно, в Вельском посаде было смолокурение. Фактически смолокурение можно было в тех местах приравнять по важности к земледелию. Лесов было столько... Самое главное, что они были большей частью хвойные. Технология добычи смолы была довольно простая. Вернее, способ, поскольку технологией это назвать сложно. Сначала снимали часть коры на соснах, и в течение нескольких лет дерево выделяло живицу – ту самую прозрачную смолу, которой дерево обороняется от короедов и которую мы в нашем, уже далеком, советском детстве жевали вместо жвачки. После этого дерево спиливали и кололи на поленья. Пни выкорчевывали и тоже кололи. Получившиеся поленья называются смольем. Дальше процесс мог идти тремя путями – ямным, корчажным и печным. Все три похожи друг на друга с той лишь разницей, что в первом на холме или небольшой возвышенности выкапывали яму, укладывали на ее дно деревянную трубу, по которой должна была стекать смола в бочку у подножья холма, укладывали в яму смолье, поджигали его, потом забрасывали землей, глиной и дерном и ждали несколько дней, пока смола стечет в приготовленную бочку; во втором способе яму не выкапывали, а в третьем роль ямы выполняла печь. Печами для выгонки смолы крестьяне стали пользоваться лишь во второй половине позапрошлого века, а до этого даже ям не выкапывали – добывали смолу корчажным способом. Все это, конечно, просто на бумаге, а в действительности было гораздо сложнее – и поджечь надо было так, чтобы потом не оставалось несгоревшего смолья и чтобы горело медленно и не погасло, что не так-то просто, если погода ветреная, и ждать, или, как говорили смолокуры, «высиживать» деготь четыре или пять дней, пока он весь не выйдет. Кроме дегтя получались в качестве побочных продуктов скипидар и канифоль. Это теперь деготь используют в косметической промышленности, а в семнадцатом

веке им смазывали тележные колеса, сапоги и лошадиную сбрую, чтобы она не гнила и не дубела на морозе, мазались сами, чтобы защитить себя от комаров, но более всего деготь был нужен для пропитки лодок и кораблей. Уже во второй половине шестнадцатого века важская смола доставлялась на мурманский берег и даже продавалась за границу монахами тамошнего Печенгского монастыря. Как только появился архангельский порт, так сразу торговля смолой пошла и через него. К началу восемнадцатого века из архангельского порта только на экспорт ежегодно уплывало от шести до шестидесяти тысяч бочек смолы. Продавали ее и в Голландию, и в Германию, и во Францию, и в Италию, и даже в Португалию, но главным потребителем была Англия. Почти девяносто процентов северной смолы выкуривалось в Поважье. Когда Вельск при Екатерине Великой стал уездным городом, то гербом ему сенат утвердил наполненную дегтем бочку в золотом поле «в знак того, что обыватели этого города оным производят знатный торг». Тут нужно бы пошутить про ложку меда, но это уж вы сами что-нибудь придумайте, а мы вернемся к Вельску и его смолокурам.

Смолу, производимую, а точнее, выкуриваемую жителями Поважья, можно было продавать тремя способами. Первый способ заключался в том, что каждый мог торговать, как ему вздумается. Второй способ представлял собой откупную торговлю, при которой власти за определенную плату разрешали этим заниматься откупщикам, и тогда приходилось всю смолу сдавать откупщику, с которым надо было еще сторговаться. Ну а третий способ был самым простым и самым невыгодным – казенная монополия. Власть забирала смолу и засчитывала часть ее стоимости в счет уплаты налогов, а часть отдавала производителю наличными деньгами. Третий способ практиковался в начале восемнадцатого века. Это и понятно – царь Петр не любил выпускать из рук государства сбыт стратегически важных для тогдашнего флота материалов. Он же нанес сильнейший удар по торговле северной смолой, когда повелел торговать ею через новую столицу и запретил привозить в Архангельск смолы больше, чем потребуется для нужд самого города. Одно дело – сплавлять смолу на плотках из Вельска в Архангельск по рекам Ваге и Северной Двине, а другое – на подводах в Петербург по дорогам, которые еще надо было проложить. К счастью, после Петра власть разрешила производителям торговать смолой свободно, и такой способ торговли продержался до начала прошлого века.

Разрешить-то она разрешила, но стала облагать каждый шаг смолокуров налогами. В начале девятнадцатого века нужно было уплатить сначала лесной налог, потом налог за бочку смолы, потом налог на пустую бочку, потом уплатить деньги за билет, который был разрешением на собственно смолокурение, потом налог на специальные плоты для сплава смолы, потом купить торговое свидетельство... И стал смолокур продавать свою смолу на месте скупщикам, и выходило, что цена ее, к примеру, в середине девятнадцатого века в Вельске была раза в два, а то и в два с половиной ниже, чем в Архангельске. Самостоятельно сплавляли свою продукцию в Архангельск очень немногие смолокуры, да и тем поднять цену в Архангельске не давали перекупщики. Неудивительно, что в тогдашнем отчете по Вельскому удельному имению, то есть имению, доходы от которого предназначались для содержания царской семьи, отмечалось: «заработок ничтожный по сравнению с теми ужасными трудами, которые несет смолокур... а существовать без смолокурения нет средств».

И еще. Для Петербурга смолу покупали в Финляндии, поскольку она была ближе. Платили за нее в три, даже в три с половиной раза больше, чем платили за русскую смолу англичане и голландцы в Архангельске. И это при том, что качество нашей смолы было выше, поскольку она содержала куда больше ценных компонентов, чем финская².

² Какой-нибудь английский или голландский историк или экономист голову сломает, пытаясь понять, почему... какого... А мы только плечами пожмем и усмехнемся.

И качество этих компонентов было выше. Возьмем, к примеру, канифоль, которой скрипачи натирают перед игрой свои смычки и балерины натирают пуанты. Вы сравните наших скрипачей и финских... То-то и оно. Про балерин и говорить нечего.

И еще о канифоли. Мало кто знает, что прототипом Ваги Колеса в повести Стругацких «Трудно быть богом» был некий Михрютка Канифоль, промышлявший разбоем по берегам Ваги в начале восемнадцатого века. На самом деле его звали Мишаней, но роста он был маленького, ноги имел кривые и вообще был похож на черта, много болевшего в детстве, а потому и превратился в Михрютку, а Канифолью его прозвали потому, что любил он запах сосновой канифоли и все время носил с собой завернутый в тряпицу ее обломок. Как задумается – так достанет канифоль из порток и нюхает. Происходил Михрютка из государственных крестьян и был смолокур. Когда пришла ему пора отправляться по царскому указу на строительство Петербурга, взял он свой топор, собрал инструменты в мешок, закинул его за спину и... растворился в тайге. Долго ли, коротко ли, объявилась в важских лесах шайка лихих людей, и предводителем у них... Грабили они купцов, сплавлявших на плотах в Архангельск смолу в двенадцатипудовых бочках. Самих купцов обчистят, товар отберут и отправляют его с верными людьми по той же дороге в Архангельск к обер-комиссару порта Соловьеву, которому сам Петр предписал «ведать товары царского величества приемом и покупкою, и отпуском заморским». Соловьев, конечно, ведал, но при этом себя не забывал и скупал у Михрютки ворованную смолу задешево, а потом отправлял в Амстердам родному брату, который там ее продавал за настоящую цену вместе с государственной. В те времена на торговлю смолой была казенная монополия, и за торговлю в обход этой монополии по голове не гладили. Горючими слезами плакала по Михрютке и братьям Соловьевым виселица, но Соловьевы были людьми самого Меншикова, а потому...

Те из ограбленных купцов, которые каким-то чудом оставались в живых, понятное дело, не молчали, а жаловались властям. Власти Вельска... да что они могли сделать, когда в подчинении городского магистрата была лишь инвалидная команда. Из Вологды прислали сикурс под командой драгунского поручика Синюхаева, но Михрюткины разбойники исхитрились завести сикурс в болото. Почти все синюхаевские драгуны, кроме двух человек и самого поручика, утонули, не сделав почти ни одного выстрела. Насилу их еле живых вытащили, раздели до подштаников, вымазали дегтем, вываляли в перьях, связали им руки с ногами, положили в телегу, хлестнули кнутом по спине лошади и отправили в Вельск. Еще и на лбу каждому дегтем нарисовали черную курицу. Знак такой был у банды.

Михрютка, понимая, что после разгрома сикурса и появления Синюхаева в Вельске власти пришлют такой сикурс, который его самого загонит в болото и закует в железа, перед тем как повесить, приказал своим соратникам расходиться, пока не поймали, в разные лесные стороны. Сам же он подался в Архангельск – к своему другу и деловому партнеру Соловьеву. Тот его законопатил в бочку и на торговой голландской шхуне «Адмирал де Рюйтер» переправил в Амстердам, к брату, а уж тот переправил Михрютку в Лондон, к верному человеку, который занимался тем, что деньги, полученные от незаконной торговли хлебом, смолой и пушницей, размещал в английских банках. Вовремя переправил, потому как о темных делах братьев Соловьевых архангельский вице-губернатор написал самому царю и...

Впрочем, к нашей истории это уже не имеет отношения. К нашей истории имеет отношение то, что спустя год или два Михрютка, выучившись английскому, ушел от своего благодетеля, прихватив пару писем Меншикова на всякий случай и некоторую сумму денег на все оставшиеся случаи. Ушел и в скором времени женился на немолодой, но богатой вдове, которую пленил... Бог его знает, чем может пленить богатую английскую вдову маленький кривоногий мужчина, любящий нюхать сосновую канифоль (он и в Англии от этой привычки не отказался, только вместо грязной тряпицы носил обломок в изящной табакерке). Наверное, вдова была очень немолода, и ее длинный английский нос был украшен бородавкой, а то и еще

одной на лбу. Взял Михрютка фамилию жены, поскольку своей у него отродясь не имелось, и на ее же капиталы учредил торговый дом «Майкл Лезерсон и сыновья», хотя никаких сыновей у него от этой старухи и в помине не было, а были только две перезрелые и сухие, как вяленая треска, племянницы – Бетси и Марджи, к которым неутомимый Михрютка...

Рассказывая о смолокурах, мы далеко забежали вперед. Возвратимся в начало восемнадцатого века. Петр Первый, образовавший своим указом Архангельскую губернию, поместил в нее и Вельск вместе с уездом. Царь, любивший все учитывать, велел провести перепись своих подданных поголовно. И то сказать – последняя перепись была еще при Федоре Алексеевиче и проводилась, как тогда было принято, по дворам, а не по головам. Полная перепись была проведена за восемь лет – с девятнадцатого по двадцать седьмой год, – и оказалось, что в Вельском посаде по состоянию на 1722 год проживало всего двадцать четыре души мужского пола. Прибавим к этим душам женские, прибавим детские, учтем, что детишек тогда в семьях было много... Все равно получится мало. С одной стороны, ужас как все обезлюдело, а с другой – понятно почему: кто убежал в Сибирь от армии и строительства новой столицы (а на Севере к строительству Петербурга прибавилось и строительство Новодвинской крепости в устье Северной Двины), кто от непосильных налогов, кто умер от эпидемий, кто вовсе укрылся от переписи, справедливо полагая, что переписывают у нас обычно вовсе не перед раздачей пряников, а совсем наоборот.

При Петре в Вельске появилась промышленность. На городской земле два купца поставили два скипидарных завода с коптильнями для выделки сажи – один на берегу Ваги, а другой – на берегу Вели. Понятное дело, что на настоящую промышленность два этих заводика походили мало, учитывая то, что рабочих на них можно было перечесть по пальцам одной руки, а машин и механизмов и вовсе не имелось, но другой промышленности... Скипидар и сажу отправляли на подводах в Вологду и Ярославль. В Вельске, хотя он еще и не был настоящим городом, был учрежден магистрат и назначен ратман. Если исключить закладку каменной Троицкой церкви в 1741 году в Вельске и ее освящение через одиннадцать лет, то в первой половине восемнадцатого века в городе происходило примерно ничего. Происходила обычная жизнь – чья-то корова забредала в чужой огород, кто-то вылавливал в Ваге преогромную щуку, кто-то тонул в Вели по пьянке, а кому-то вымазывали ворота первосортным дегтем местного производства, но такого, чтобы... Нет, такого не было. Вот в 1762 году произошло – вологодские купцы Колесов и Шайкин построили в уезде чугунолитейный завод. Сырьем была болотная руда, которую добывали тут же, по берегам речки Терменьги. Завод работал на местный рынок и вообще просуществовал недолго, поскольку болотная руда быстро кончилась, да и была низкого качества. Мы бы, может, и не вспоминали о нем вообще, но за время своей недолгой работы завод успел отлить чугунные плиты для покрытия пола вологодского кафедрального Софийского собора. Они покрывают там пол и сегодня.

В 1766 году сенат закупил шесть бочек картошки и прислал в Важскую воеводскую канцелярию десять пудов. Канцелярия распределила их на сто человек. Вышло приблизительно по полтора килограмма на душу. Если принять, что одна средняя картофелина весит около двухсот граммов, то по восемь штук. Посадили, конечно, раз начальство приказало. Собрали столько, что губернатор потом в отчете написал: «оных яблок³ не уродило по божескому изъявлению». С картофелем в тех краях было плохо еще очень долго. И через сто лет в Вологодской губернии, к которой тогда относился Вельский уезд, собирали в лучшем случае по восемь килограммов на человека.

³ Надо сказать, что и с обычными яблоками в Вельске и уезде дело обстояло не лучше. Их начали там выращивать лишь с наступлением двадцатого века.

Уездный город Вельск

В 1780 году Вельский посад был наконец переименован в город Вельск. Населяло город к тому времени сто шестьдесят пять человек – почти поровну мужчины и женщины. Более всего проживало чиновников – четыре десятка, а менее всего крестьян – семь человек. Полсотни мещан, двадцать восемь отставных солдат и тридцать семь лиц духовного звания. Сорок чиновников на сто шестьдесят пять жителей. Конечно, в Вельске появились сразу и городское правление, и уездный суд, и сиротский суд, и казначейство, и почтовая контора, но.... Самое удивительное, что этого количества чиновников не хватало. Какой-нибудь английский или голландский историк или экономист голову сломает, пытаясь понять, зачем... какого... А мы только плечами пожмем и усмехнемся.

В январе 1786 года в империи упразднили провинции. Вельск стал уездным городом Вологодской губернии и пробыл таковым до конца двадцатых годов двадцатого века.

В 1792 году, как раз в год взятия Бастилии, городские власти запретили хоронить умерших при соборной Троицкой церкви. Через год после того, как отрубили голову французскому королю и Франция объявила войну Англии, отвели место под городское кладбище и тогда же начали строить кладбищенскую церковь Успения Пресвятой Богородицы. Еще через год вельский священник Иоанн Осокин по собственной инициативе организовал в городе народное училище. С разрешения, конечно, властей. Сам занимался с детьми у себя дома. Две зимы продержалось народное училище и закрылось. Родители не видели пользы в обучении собственных детей⁴. Зато строительство кладбищенской церкви закончили быстро и в 1796-м ее уже освятили. Уездный землемер Голубев разбил город на кварталы. Во время недолгого царствования Павла Петровича было создано удельное ведомство. Все удельные земли на Севере были объединены в Вельский удельный округ с центром в Вельске.

Через восемь лет после образования удельного округа, в 1805 году, тракт Москва – Архангельск проложили через Вельск. До этого времени тракт проходил по другому берегу Ваги⁵. Вельск к тому времени был не хуже других уездных городов – кроме непереносимой ратуши с бургомистром, казначейства, почты и разных судов в нем были духовное управление, уездный стряпчий, соляной и винный приставы, уездный лесничий, уездный врач и две команды – пожарная и инвалидная, причем инвалидной командовал штабс-капитан. Шагу нельзя было сделать, чтобы не наступить на ногу какому-нибудь уездному начальнику.

В июле 1812 года, через месяц после начала военных действий, стали собирать земское ополчение и добровольные пожертвования. Среди жертвователей были местные купцы... Всего один – купец второй гильдии Зензинов – пожертвовал сто пятьдесят рублей. Среди жертвователей-дворян отличился унтер-фертшер Арсений Насонов. Ему в 1819 году за участие в денежном пожертвовании даже дали бронзовую медаль. Городничий Карл Егорович Фрейденталь пожертвовал треть своего жалования и сам попросился в действующую армию. Впрочем, ему отказали, поскольку нужды в этом не было. Ополчение тоже отменили. По той же причине. Ополчались только те губернии, что были в непосредственной близости от театра военных действий. Однако же вологодскому губернатору было предписано из Санкт-Петер-

⁴ Через двадцать два года упорный Осокин делает вторую попытку организовать училище. Но на этот раз и светские власти, и его непосредственное начальство ему просто не дали разрешения.

⁵ Как раз по другому берегу Ваги и прошел с рыбным обозом в Москву великий Ломоносов. Это нисколько не помешало устроить в Вельске памятную аллею, посвященную трехсотлетию рождения Михаила Васильевича, и говорить о том, что он как раз через Вельск прошел в Москву за знаниями. Если в соседнем Шенкурске спросить о том, каким путем Миша... Можно даже и не спрашивать – там сразу вам скажут, что ни через какой Вельск Ломоносов не проходил, а шел по другому берегу Ваги аккуратно через Шенкурск. Ну и ладно. Ну и пусть не проходил. Ленин с Карлом Марксом и Дзержинским здесь тоже не проходили, и даже по другому берегу, а их именами в Вельске не то что аллеи – целые улицы и площади названы.

бурга «набрать из обитающих в Вологодской губернии народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до пятисот и более и, по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправить их на подводах сюда, в Санкт-Петербург, для причисления их к тому ополчению, которое здесь против неприятеля, вторгнувшегося в пределы России, составляется». Летом в губернии и в Вельском уезде появились беженцы, а к осени и пленные. В Вельске разместили пятьдесят французов. Снабдили их шинелями, полушубками, шапками, рукавицами, сапогами, нательным бельем и провиантом. Приставленный к ним конвой следил, «чтобы ни один из пленных не смел сбывать каким бы то ни было образом одеяния, на них состоящего». Вельск все же не Париж и тем более не Марсель – зимой сюда без шапки, полушубка и рукавиц, да еще и пленным, лучше не попадать. Зимой 1812 года морозы доходили до сорока трех градусов. Горе побежденным... а в Вельске еще и ужас как холодно.

Вот, собственно, и все о войне с Бонапартом. Пожалуй, можно добавить, что в двадцатых годах земским исправником служил отставной майор пехотного полка Константин Иванович Белов, участник сражения при Березине и заграничных походов, а через двадцать лет после войны, в 1832 году, в Вельске должность городничего занимал надворный советник и отставной штабс-капитан, участник Битвы народов под Лейпцигом, бравший Париж Макарий Дмитриевич Тугаринов⁶.

Кстати, о народах, «в стрелянии зверей упражняющихся». Вельские купцы-заготовители у части этих народов, населяющих город и уезд, регулярно покупали пушнину, которой тогда в окрестных лесах было видимо-невидимо. Шкура зайца стоила от четырех до восьми копеек. Белка стоила не дороже зайца. Горностай – от тридцати до сорока копеек. Норка – от рубля до трех. Шкуры лисиц шли от двух до шести рублей, волков – от рубля до трех, а медвежьи – от трех до двенадцати. Честно говоря, все эти данные о закупочных ценах на пушнину в Вельске первой половины девятнадцатого века для понимания... не очень нужны. Просто как подумаешь, сколько на нынешнюю свою зарплату мог бы купить лисьих или медвежьих шкур, не говоря о беличьих и заячьих... сколько шуб... наконец-то жена... С другой стороны, сколько моли... одного нафталину пошло бы... проеденный лисий салоп... сколько слез... Да провались они пропадом, эти шубы.

В 1822 году в городе открыли уездное духовное училище. За полвека это училище окончили более четырехсот человек. Если посчитать количество учащихся, которые приходили в первый подготовительный класс, и сравнить его с количеством выпускников, то получится, что больше половины учащихся полного курса не окончили. Судя по всему, плохо учились дети и внуки тех, кого забирали из народной школы священника Осокина родители, не видевшие пользы в грамоте. Через двадцать лет открыли первые четыре школы в Вельском уезде, в котором тогда проживало более семидесяти тысяч человек. Увы, школы эти постигла участь народного училища Осокина. Крестьяне не хотели отдавать в них детей, поскольку не видели никакой пользы в обучении.

Все же прогресс, хоть и незаметный невооруженным глазом, был. К примеру, в первой половине восемнадцатого века о повседневной жизни Вельска и уезда никто, кроме аборигенов, не был осведомлен, а в первой половине девятнадцатого... «Вологодские губернские ведомости» в 1844 году писали о том, что в Вельском уезде за год «утонуло восемнадцать человек, умерло от неводержанности (запились) пять человек, наложило на себя руки семь человек, убито по злому умыслу три человека, а грозой – шесть человек».

⁶ В краеведческой статье об участии жителей Вельского уезда в Отечественной войне с французами я вычитал, что при подготовке к празднованию столетия победы над Бонапартом Вельский уездный исправник писал в Вологодское губернское правление о том, что «ветеранов Отечественной войны и очевидцев ее, а также и потомков умерших уже ветеранов среди населения г. Вельска и уезда нет». Удивительно не то, что нет ветеранов, а то, что их искали через сто лет. Значит, надеялись найти.

Как представил я себе диких бородатых смолокуров в нагольных тулупах, перемазанных дегтем, с острыми как бритва топорами, которыми они могли комару нос подточить, дикий, дремучий медвежий угол, в котором от гроз погибало вдвое больше людей, чем от рук злоумышленников, и... начал думать всякую ерунду о том, что нравы тогда были чище, вода мокрее и трава зеленее. Подумал, подумал... и посмотрел статистику убийств в Вельском районе в наше время. Нашел отчет главы Вельского муниципального района за 2017 год, и оказалось, что... убийств не было ни одного. Еще в 2013 году было восемь, в 2015 – шесть, в 2016 – пять, а в 2017 – ни одного⁷. Тут непременно нужен какой-то вывод – или о чистоте воды, или о нравственности травы, или...

Четыре десятых квадратной версты

В середине позапрошлого века Вельск представлял собой не просто маленький, а очень маленький городок. В Вологодской губернии он был одним из самых маленьких. Вельск даже к началу двадцатого века занимал всего четыре десятых квадратной версты, а в середине девятнадцатого века и того меньше. Еще при Екатерине Второй городу отвели чуть более квадратной версты, и уездный землемер разбил треть от этого количества на тридцать четыре квартала. За семь десятков лет застроили всего одиннадцать, и все эти сто семьдесят пять домов, из которых был один каменный⁸, уместались на площади около пяти квадратных десятин, или пяти с лишним гектаров, или... Нет, в квадратных верстах лучше не считать, а то получаются какие-то уж совсем микроскопические величины.

Несмотря на то что Вельск был крошечным по площади и самым маленьким городом в Вологодской губернии по численности населения⁹, в нем было все необходимое для жизни уездного города: одиннадцать лавок, четыре склада, называвшиеся тогда магазинами, ежегодная ярмарка, на которую съезжались крестьяне и цыгане со всего уезда, один купец первой гильдии и двадцать пять купцов второй, два питейных заведения, большой городской сад для неторопливых прогулок, уездная почтовая контора с усатым почтмейстером, больница на десять коек, три фабрики, на которых работали тринадцать рабочих, две церкви, два училища, полицейская будка и даже почтовый ящик. Он появился в Вельске в самом конце первой половины девятнадцатого века. Правда, всего один. Да больше и не нужно было на восемьсот человек горожан. На ящике была надпись: «Опущенные в этот ящик письма, оплаченные марками или в штемпельных конвертах, заказные письма будут отправлены с первой проходящей почтой». В Москву почту отправляли четыре раза в неделю, а в Архангельск – два.

Что касается вельских фабрик, то их количество в 1860 году выросло до целой дюжины – четыре скипидарно-пековаренных¹⁰ завода и восемь сажекопильных. Только не надо думать, что небо над Вельском было черным и закопченным от сажи. Фабрики работали то вместе, то поврозь, а то попеременно. В 1863 году не работали совсем «по случаю упадка торговых дел владельцев». В 1870 году губернский статистический комитет и вовсе велел считать фабриками только те, «которые действуют паром... или в коих главным орудием производства являются машины». Тут еще и сажекопильное производство в городе закрылось, поскольку в уезде было большое количество смолокуров, по совместительству сажекопителей, состав-

⁷ И не то чтобы сильно уменьшилось население района. Оно уменьшилось, но всего в полтора раза.

⁸ Как писал протоиерей Троицкого собора и один из первых вельских краеведов Виктор Степанович Воронов, одноэтажные дома, из которых состоял город, «не лишены приятного вида и опрятного устройства».

⁹ Он и в Российской империи по численности городского населения в 1856 году занимал 657-е место среди 678 учтенных городов. Интересно, что по удельной доле проживающих в нем дворян Вельск занимал первое место в Вологодской губернии.

¹⁰ Пек – твердый остаток от перегонки дегтя.

лявших вельским фабрикантам сильнейшую конкуренцию. Так что небо над Вельском было чистым.

Если же говорить об экстраординарных событиях, которые имели место быть в Вельске в первой половине девятнадцатого века, то к ним следует отнести сильный иней 1837 и 1840 годов, уничтоживший посевы картофеля, гороха и яровых, сильный град 1841 года и запись в Вологодскую дружину ополченцев во время Крымской кампании. Впрочем, запись следует отнести уже к началу второй половины.

Жизнь в Вельске протекала тихо и плавно, как Вага. На ежегодную ярмарку, которая проходила в январе, съезжались купцы из разных губерний. Иногда приезжали даже англичане, продававшие здесь пряности и свои английские сукна. На вырученные от продажи деньги покупали, понятное дело, меха. Крестьяне Архангельской губернии привозили соленую рыбу – треску, сайду и палтуса¹¹. Крестьяне Олонецкой губернии торговали свежей селедкой. И вообще – во всякое время года на городском базаре можно было купить местную свежую, выловленную в Веле и Ваге рыбу: семгу, леща, сига, хариуса, голавля, карася, окуня, щуку, язя, плотву, ельцов и ершей. Последних отдавали почти даром – от копейки до трех за фунт. Ельцы и плотва стоили почти столько же. Щук продавали от двух до восьми копеек за фунт, хариуса – от четырех до десяти, лещей – в среднем по семи копеек, а самой дорогой была семга – от двенадцати до тридцати копеек за фунт. Если пересчитать на зарплату, скажем, учителя гимназии, который в те времена мог получать от восьмисот до полутора тысяч рублей жалованья в год, то выходит, что ельцами и плотвой можно было кормить кошек, а самым есть хоть каждый день щук, хариусов и лещей. Ну а семгу... и семгу можно было. Хватало учителю гимназии на семгу. Жаль только, что гимназии в Вельске в середине девятнадцатого века не было. Нынешним учителям нынешняя семга...

Местные охотники продавали пушнину. Только в 1850 году купцы скупили в Вельске тридцать пять тысяч беличьих шкурок, восемь с половиной тысяч заячьих, шесть десятков лисьих, больше сотни кунных, сто семьдесят горностаевых, шестьдесят медвежьих, а еще семнадцать с лишним тысяч рябчиков, почти четыре тысячи тетеревов и четыре с лишним сотни уток. Если семгу и шкурки зайцев с белками еще можно пересчитать на нынешнюю учительскую зарплату, то рябчиков и горностаев...

При всем обилии дешевых рябчиков, тетеревов, горностаев, семги и хариуса, при наличии полицейской будки, почтового ящика и больницы на десять коек смертность в городе и уезде в середине позапрошлого века была огромной. Например, в 1860 году в Вельске и уезде умирало около семидесяти процентов новорожденных.

Летом 1858 года по пути из Москвы в Соловецкий монастырь через Вельск проехал Александр Второй. Мог бы, конечно, и остановиться, отобедать чем бог послал у городского головы, принять депутацию местного купечества, получить в подарок сувенирный, величиной с чайный стакан, бочонок с самым лучшим вельским дегтем, но... лишь выпил чаю, заплатил двадцать пять рублей серебром и поехал дальше. По городу, конечно, проехал. Той почтовой станции, на которой останавливался царь, не сохранилось – она сгорела. На этом месте теперь здание налоговой инспекции. Зато в музее Вельска есть красивое резное блюдо из карельской березы и солонка. На блюде императору поднесли хлеб-соль. Правда, это сделали не в Вельске, а в селе Сметанино Верховажского уезда, но блюдо и солонка от этого менее красивыми не стали¹².

¹¹ И сейчас из Архангельска привозят рыбу. Правда, не соленую, а свежемороженую. К сожалению, рынка, на котором могла бы проходить ярмарка, в Вельске уже нет – его задушили сетевые магазины.

¹² В 1893 году волостной сход Верховской волости Вельского уезда постановил построить памятник Александру Второму в той деревне, через которую император проехал. Закончить установку памятника планировали аккурат к сорокалетию этого знаменательного события. Стали собирать деньги и даже дали объявление в губернских газетах о сборе средств на памятник. Собрали около шестисот рублей, составили проект памятника и... тут выяснилось, что на шестьсот рублей его не поставить.

В год освобождения крестьян в уезде открылись сразу семь школ. Учащихся в школах было немного – в среднем около десятка. Большею частью это были мальчики. Девочек в школы крестьяне отдавали еще неохотнее, чем мальчиков. В том же году было... да ровно то же, что и в прошлом и в позапрошлом – купцы торговали, охотники охотились, смолокуры выкуривали деготь, а вельские мещане растили хлеб и косили сено на землях, которые они арендовали у города. Вельск был городом-селом, и это село из него еще долго выкуривалось. И все же. Уездная и городская смолокурная промышленность на фабриках, которые губернский статистический комитет не велел считать фабриками, произвела сто с лишним тысяч ведер смолы и почти две тысячи пудов скипидару. Сажекопильный завод произвел сажи на манер голландской на четыре тысячи рублей и накурил дегтя на тридцать тысяч. В селе Терменьга писчебумажная фабрика...

...Господи, ну почему через Вельск не проезжал Пушкин?! Ехал бы к себе в Михайловское из Тригорского от Вульфов, и тут как лошади понесут, как метель закружит, небо мутное, ночь мутная, луна невидимкой... В городском краеведческом музее хранился бы заячий тулуп, подаренный Александром Сергеевичем мужику-смолокуру, который вывел его к Вельску, и записки на французском, которые Пушкин писал бы дочке городничего. Ну хорошо, пусть не Пушкин. Пусть Гоголь. Увез бы дочку или жену городничего в Рим до Вологды, а там... Пусть хотя бы Белинский в вельский почтовый ящик опустил письмо к Гоголю, который в Вологде с ума бы сходил, не зная, как отвязаться от жены и дочери городничего. Черновик этого письма, найденный в номере местной гостиницы, украшал бы теперь собою местный краеведческий, но...

...в селе Терменьга писчебумажная фабрика произвела бумаги на двадцать тысяч рублей, да еще весной того же года по Ваге на плотах из уезда отправлены в Архангельск смола, пек, рожь, льняное семя, лен, пакля, овес, крупа, мука овсяная и ржаная. Всего на сумму четверть миллиона рублей. И это не все. Сена накосили столько...

Оставим паклю и сено. В 1867 году Вельский уезд получил по подписке два с половиной десятка разных газет и журналов. Среди них «Сын Отечества», «Северная пчела», конечно же, вологодские «Губернские ведомости», в которых время от времени печатались заметки о Вельске и Вельском уезде, но более всего было религиозных изданий. В том же году был неурожай, охвативший весь уезд. Надо сказать, что крестьяне в верховьях Ваги и безо всякого неурожая с трудом обеспечивали себя хлебом. Примерно половину необходимой ржи приходилось им покупать, не говоря о пшенице, которая им была не по карману. При всех сложностях с хлебом, молоком и мясом в Вельске и уезде дела обстояли хорошо. К примеру, в Устьвельской волости у пятой части крестьянских семей была одна корова, две коровы были примерно у трети семей, а три коровы...

...Ну бог с ним, с Пушкиным. И с Гоголем тоже. Не проезжали и ладно. Могли же быть скандалы. К примеру, уездный казначей мог бы проиграть жену в карты. Или предводитель уездного дворянства мог сказать: «Пропадай все!» – и уехать жить от живой жены и трех малых детей к красавице цыганке в табор. Его потом сам вологодский губернатор приезжал бы уговаривать вернуться к семье. Дети плакали бы. Особенно его любимица – восьмилетняя Грушенька. Он бы вернулся, а цыганка потом отравилась бы. У жены тоже открылась бы чахотка из-за переживаний. Сам предводитель попытался бы застрелиться, но неудачно и остался бы инвалидом. Вельск и уезд только об этом и говорили бы в течение пяти или даже десяти лет. Да что Вельск – Вологда говорила бы. В конце концов, городской голова мог просто нажиться на винных откупах или построить на бумаге мост через Вель, а выделенные губернией деньги...

...три коровы были у пятой части семей. Были и совсем богатые крестьяне, имевшие по четыре коровы. Были, конечно, семьи, у которых вместо коров были козы или даже куры.

К концу девятнадцатого века Вельский уезд среди десяти уездов Вологодской губернии занимал пятое место по надоям молока от одной коровы. Одна корова в уезде в среднем давала чуть больше пятисот килограммов молока. По нынешним меркам такие коровы называются козами. Отечественными козами. Европейские козы дают молока больше. Четыре вельские коровы конца позапрошлого века, если сравнивать надои, равны половине нынешней российской коровы.

В 1870 году открылось первое земское собрание Вельского уезда. С одной стороны – председатель Вениамин Александрович Аронов от управы государственного имущества, Константин Кириллович Орон-Гессе и Иосиф Степанович Струтинский от удельного ведомства, от уездного лесничества... от Вельского удельного имения... а с другой – семь крестьян и два священника – земские гласные. С одной стороны, подумаешь, какое дело – земское собрание, а с другой – как представишь себе: за одним столом, друг напротив друга, сидят Константин Кириллович Орон-Гессе и крестьянин Прокопий Архипович Федоров, которого еще десять лет назад могли высечь на конюшне, который не знает, куда деть свои огромные руки, который от неловкости, от того, что от него пахнет дегтем и лошадиным потом, постоянно утирает со лба испарину тыльной стороной ладони.

Через год после начала работы Вельская земская управа пересчитала скот в уезде. Вышло, что на каждого жителя уезда приходилось чуть больше, чем по половинке коровы, чуть меньше, чем по половинке овцы, и примерно по шестьдесят два свиных пяточка. Или меньше, если свинья худосочная.

К 1870 году количество каменных домов в Вельске удвоилось – их стало два, и оба этих дома были казенными. В городе и уезде стало меньше умирать новорожденных и детей до пяти лет – не семьдесят процентов, как десять лет назад, а пятьдесят четыре.

Через два года заработала узкоколейка Вологда – Ярославль. От Вельска до Вологды и теперь на машине четыре с половиной часа езды, а тогда двенадцать почтовых станций и тридцать шесть часов летом и зимой, а весной и осенью – полных двое суток, если скакать безостановочно. Пока до Вологды доедешь – всю душу из тебя вытрясут дорожные кочки и ухабы. Выйдешь нетвердыми ногами из коляски, или брички, или тарантаса и подумаешь: «Да провались он пропадом, этот Ярославль!» – и все деньги прокутишь в Вологде.

Между тем узкоколейку тянули из Вологды дальше на север – к Архангельску. Вельские власти и местное купечество стали обивать нужные пороги, добиваясь, чтобы железная дорога прошла через Вельск. Увы... Пороги оказались неприступными. Дорогу провели на сто двадцать верст западнее – через Коношу. Пришлось Вельскому земству строить грунтовую дорогу с шестью почтовыми станциями до Коноши. Только в 1942 году через Вельск прошла железная дорога на Котлас и Воркуту.

В середине 1880-х вологодский губернатор разрешил вельским властям открыть в городе первую публичную библиотеку. Через полтора десятка лет в нее было записано более двухсот вельчан. Из этого количества читателей больше всего было не дворян, не чиновников, не священников и купцов, а крестьян – почти шесть десятков человек. Дворяне и чиновники были на втором месте, мещане на третьем, священники на четвертом. Купцы в библиотеку ходить не любили – их записалось всего четверо. Надо сказать, что в Вельске, в котором к концу девятнадцатого века проживало почти две тысячи человек, восемьдесят процентов мужчин и почти половина женщин были грамотными. В уезде грамотных мужчин было всего тридцать семь процентов, а грамотных женщин и вовсе шесть процентов.

В те же годы Вельск стал местом политической ссылки. Правда, присылали в него и раньше людей с точки зрения властей неблагонадежных. Первым ссыльным в Вельске, в 1866 году, стал революционер-народник и один из организаторов хождения интеллигенции в народ Порфирий Войноральский, высланный сюда за участие в студенческих беспорядках. В Вельске Войноральский пробыл недолго – полиция обнаружила его тайную переписку с другими

такими же, как он, неблагонадежными и сначала отправила под домашний арест, а потом, в том же году, подальше на север – в Пинегу. В 1894-м в Вельск на пять лет прислали в административную ссылку Петра Моисеенко – организатора знаменитой Морозовской стачки. Видимо, Моисеенко ни с кем не вел тайной революционной переписки и потому все пять лет ссылки провел в Вельске, а не был услан подальше на Север. Может потому, что находился в ссылке вместе с женой. Но скорее всего потому, что Моисеенко был прекрасным столяром-краснодеревщиком и в Вельске имел много заказов на изготовление мебели. Власти и вообще предлагали ему осесть в Вельске и даже предлагали выделить землю и построить дом, но...

Если не рассказывать о спичечном заводе купца Буторова в деревне Рябово, о бумажно-оберточной фабрике купца Кудрина и о винокуренном заводе купца Попова, если не писать о фельдшерской школе, открытой в 1895 году губернским земством, о том, что в Никифоровской волости Вельского уезда только за лето этого же года медведи и волки задрали пять лошадей, шестнадцать жеребят, шесть коров, двадцать телят и почти сорок овец, о том, что охотники этой же волости убили шесть медведей, восемь волков и два десятка лисиц, о количестве мальчиков и девочек, учившихся в церковно-приходских училищах и земских школах, о расходах на пожарную команду, о тридцати шести керосиновых фонарях, освещавших к тому времени Вельск, о посевах ржи и льна, об урожаях гороха и овса, о ценах на лен, о том, что умирали чаще всего от воспаления легких, туберкулеза и желудочных заболеваний, то... больше рассказать о последних десятилетиях девятнадцатого века в Вельске, пожалуй, и нечего.

Первые саженцы яблонь

Первые годы двадцатого века были продолжением девятнадцатого – курили смолу, заготавливали лес, били зверя и птицу, сеяли рожь, лен, горох и овес. В 1901 году в Вельске появились первые саженцы яблонь. Привез их купец первой гильдии Конон Вонифатьевич Попов. До начала двадцатого века своих яблок в городе и уезде не было. Да и других плодовых культур тоже не было. Считалось, что в таком суровом климате яблоки могут быть только земляными.

В 1904-м девятнадцатый век закончился и русско-японской войной начался двадцатый. Тридцать шесть вельчан вернулись с нее Георгиевскими кавалерами. В мае 1906 года у здания управления удельного округа собралась толпа, состоящая из пятисот удельных крестьян. Последние восемьсот лет они не выдвигали экономических требований, а тут на тебе... Еще и угрожали захватить удельные земли и уничтожить удельные управления. Переговоры результатов не дали, и управляющему удельным округом пришлось удовлетворить требования крестьян. Ну а потом, когда уже было поздно и не нужно, вологодский губернатор на всякий случай отправил в Вельск походным порядком две роты солдат Моршанского полка. Через неделю они туда дошли...

Волнения утихли, но ровно через год, в мае, вельская группа РСДП выпустила первую листовку. Несмотря на то что появились десятки сельских потребительских обществ и кредитных товариществ, увеличилось количество плугов, борон и железных зубьев на боронах, большевики уже не могли перестать быть и выпускать свои листовки. Кстати, о железных зубьях. По переписи 1907 года, на весь уезд приходилось сорок три плуга и сто семь борон с железными зубьями. На сто двадцать тысяч населения. Те, кто не имел плуга, пользовались деревянными сохами. И коровами, которые давали молоко как козы¹³. Как тут было не завестись большевикам... Тем более что в Вельск все прибывали и прибывали политические ссыльные. В 1906 году их было около шестидесяти, в 1907-м – двести с небольшим, а в 1908-м – уже триста.

¹³ Расходы на содержание одной головы рогатого скота по расчетам земской управы были перед Первой мировой войной около двадцати рублей в год. И доходы были тоже около двадцати рублей. Доходы превышали расходы на девяносто копеек. Что тут скажешь... Даже если в семье четыре коровы, то доходу от них...

Правда, среди них были и анархисты, и эсеры, и меньшевики, и беспартийные. В 1910 и 1911 годах большая их часть разъехалась, но ячейка РСДРП осталась.

Кстати сказать, не все разъехались – некоторые разбежались. Так, в ноябре 1913 года бежал из ссылки, в которой находился уже два года, большевик Павел Бляхин. Можно было бы его и не вспоминать, кабы он потом не стал писателем и не написал повесть «Красные дьяволята», которую теперь уже мало кто помнит. Еще меньше помнят одноименный фильм начала 1920-х годов, пользовавшийся в то время огромным успехом у публики. Помнят только фильм «Неуловимые мстители», который был снят тоже по этой повести.

Между тем Вельск точно чувствовал, что мирной жизни осталось у него всего несколько лет, и бурно, насколько это было возможно в России и Вологодской губернии в начале двадцатого века, развивался: в городе и уезде работали кожевенный и пивоваренный заводы, десятки скипидаро-очистительных и канифолеваренных, более пяти тысяч смолокурных печей, восемьдесят одна школа, сто двадцать восемь учителей, четыре больницы, шесть врачей, полтора десятка акушерок и повивальных бабок, четыре раза в неделю уходила на железнодорожную станцию Коноша почта, в городской библиотеке, выписывавшей «Вестник Европы», «Сатирикон» и «Русское богатство», количество читателей перевалило за триста человек, дамское благотворительное общество на одних только любительских спектаклях в 1907 году заработало три с половиной сотни рублей и передало их Вельскому приюту, работал синематограф «Рекорд», организовано общество «Попечительство о народной трезвости», был построен деревянный мост через реку Вель... но железной дороги не было, а в ней была острая нужда. Открываемые местными промышленниками и купцами предприятия гибли на корню, поскольку сбывать местную продукцию приходилось перекупщикам задешево, а все привозное покупать вдвое дороже. В 1908 году Вельское уездное земство обратилось к губернским властям с просьбой рассмотреть вопрос о строительстве железной дороги от Вельска до Коноши, но губернатор отказал, поскольку правительство не планировало строительство такой ветки, а частных инвесторов не было. Через пять лет снова собрали бумаги с обоснованиями, создали комиссию по вопросу строительства, посчитали, сколько десятков и сотен тысяч пудов смолы, зерна, керосина, скипидара, канифоли, мануфактуры, железа, чая и сахара перевезут по новой дороге, составили подробную «Записку об экономическом значении проектируемого к устройству железнодорожного пути от г. Вельска к ст. Няндомы», отослали ее в Москву и... тут началась Первая мировая война и эпидемия сибирской язвы. С эпидемией справились уже к осени 1904 года, а с войной все обстояло сложнее. Известие о начале войны дошло до Вельска лишь через неделю. Верующие собрались в городском соборе, и настоятель зачитал им высочайший манифест, потом отслужили молебен, потом певчие спели гимн, потом с портретами Николая Второго и пением гимна ходили по Вельску, останавливаясь в разных местах, для того чтобы выслушивать патриотические речи и кричать ура, потом закрыли по распоряжению императора винные лавки, потом, после того как мужчины ушли и побросали поля до срока, сократились посевы ржи и пшеницы, упали заработки на промыслах...

Вихри враждебные

Известие о Февральской революции в Петрограде пришло в Вельск пятого марта, а за два дня до этого вологодский губернатор телеграфировал всем уездным исправникам, что подчиняется постановлению Временного правительства и слагает с себя все полномочия по управлению губернией¹⁴. Шестого создали временный комитет, куда вошли представители зем-

¹⁴ Как вельский исправник, не помня себя, на ватных ногах шел домой после получения этой телеграммы, как смотрел на пьяного мужика, который замер и перестал дышать, увидев его высокоблагородие... Пока замер и пока перестал... Как рассказал об этом жене, как она стала мелко креститься и плакать, как он прикрикнул на нее, чего никогда себе не позволял.

ства, чиновники удельного округа и духовенство. Председателя земского собрания избрали в председатели комитета. Решили издавать «Вельскую народную газету», первый номер которой вышел уже через три недели. Редактором назначили эсера Николая Васильевского. Наверное, ходили по улицам Вельска с лозунгами «Да здравствует республика!» и «Долой войну!», пели «Вихри враждебные...», останавливаясь в разных местах, для того чтобы выслушать революционные речи и кричать ура.

К ноябрю, когда со спичками, солью, мылом и керосином начались перебои, в Вельске и уезде прошли выборы в Учредительное собрание. Девяносто четыре процента голосов набрали эсеры. Остальные шесть процентов поделили между собой еще четыре партии. Большевики, конечно, были, правда для того, чтобы их увидеть в списках, надо было надевать очки, но... в конце декабря 1917 года в Вельске был получен декрет уже советской власти об упразднении всех сословий и чинов. Все объявлялись гражданами.

До марта 1918 года все было тихо, а первого марта советская власть провела в Вельске первый съезд Советов крестьянских депутатов. Заседали делегаты съезда целых шестнадцать дней. Приняли дела у старой власти, сформировали новую в виде уисполкома, признали Совнарком, ликвидировали земство и городское самоуправление. Не откладывая дела в долгий ящик, в ночь на второе марта разоружили городскую воинскую команду и вывезли из казармы все оружие. Заодно конфисковали оружие у чиновников удельного округа и земской управы. Тут же из добровольцев создали отряд Красной гвардии. В конце мая и начале июня прошел уездный съезд Советов. Эсера с поста редактора газеты убрали, а осенью уисполком газету и вовсе закрыл. Правда, через четыре дня открыл снова, но называлась она уже «Революционный набат» и была органом Вельского комитета РКП(б). Между прочим, среди пятнадцати членов уисполкома было всего семь коммунистов и сочувствующих. Остальные были левыми эсерами и беспартийными.

Новая власть начала с национализации каменных домов для собственных нужд. Ново-рожденным советским чиновникам из многочисленных отделов Вельского уисполкома, суда, общественных организаций нужны были помещения. Помещений катастрофически не хватало. Старая власть обходилась гораздо меньшим количеством чиновников. В июле создали комиссию по национализации частных домов и квартир. Стали национализировать, или, попросту говоря, отбирать у владельцев дома и квартиры. Владельцы стали жаловаться и судиться с новой властью, а новая власть в феврале 1919 года поручила комиссии представить список лиц, которых можно было бы беспрепятственно выселить из Вельска. Пока список составлялся, чиновники уже занимали дома и квартиры купцов, священников и мещан. Многочисленные отделы уисполкома, уездная милиция, госпиталь и вновь образованные школы занимались тем, что переезжали из дома в дом, пытаясь угнездиться, и воевали между собой за каждую квартиру. И это при том, что в Вельске к тому времени было всего десять каменных домов и четыре с половиной сотни деревянных. И это при том, что Гражданскую войну никто не отменял, при том, что в Архангельске были англичане, а в соседнем Шенкурске, отстоявшем от Вельска всего на сто сорок километров севернее, стояли части белых и американцев, при том, что линия фронта проходила в тридцати километрах от Вельска.

Седьмого августа в Вельске был создан ревком и объявлено военное положение в городе и в радиусе семь верст вокруг него. Ревкома оказалось недостаточно, и политработники Важского фронта создали партийный комитет, который постановил газету «Революционный набат» переименовать в «Красный набат». Для защиты Вельска и уезда создали отряд из членов Совета и советских служащих. В конце августа обстановка на Вельско-Шенкурском направ-

как пошел к себе в кабинет и велел горничной подать водки и какой-нибудь закуски... Через полтора месяца постановлением Временного правительства должности земских исправников упразднили.

лении так накалилась, что власти отдали приказ об эвакуации всех советских учреждений из Вельска.

Пока части Красной армии отбивали у белых и американцев Шенкурск, Вельский уисполком к первой годовщине событий 1917 года принял решение переименовать улицу Дворянскую в Советскую, Покровскую в Октябрьскую, Посадскую в Революционную, Троицкую в улицу Свободы, а Троицкую площадь в площадь Свободы. Они и сейчас так называются. Само собой, что прибавились к ним улицы Дзержинского, Карла Маркса, Комсомольская...

В середине февраля 1919-го, когда белых и американцев отогнали от Шенкурска, в Вельске прошел первый съезд учителей, признающих советскую власть. Учителя покалялись, признали ошибки и призвали остальных учителей быть лояльнее к новой власти и больше доверять правительству. Вообще общественная жизнь в городе кипела и пенилась так, что обыватель с тоской и умилением вспоминал годы и десятилетия, в течение которых в Вельске не происходило ровным счетом ничего. В конце февраля собралась молодежь и постановила образовывать ячейку Российского коммунистического союза молодежи, а в начале марта прошла первая уездная партийная конференция. Понятно какой партии. В конце марта в городском молодежном клубе уже собрались первые комсомольцы, отправившие вождю мирового пролетариата телеграмму, в которой сообщалось, что «Вельская молодежь организовалась сегодня в Союз молодежи и открыла клуб Вашего имени. Шлет Вам коммунистический привет». В октябре прошла первая конференция женщин-пролетарок. Женщины-пролетарки создали женский совет и организовали женское движение в волостях Вельского уезда. Тогда же, в 1919-м, был создан Вельский краеведческий музей на основе собрания предметов старины местного крестьянина – иконописца и краеведа Василия Феокистовича Кулакова. Строго говоря, уникальную коллекцию Кулакова уездные власти за год до открытия музея национализировали – боялись, что заберут ее в Вологду и Вельск ее не увидит никогда. Нельзя сказать, что власти уезда боялись зря.

Кстати, об уездной партийной конференции. Один из ее делегатов, некто Быков, предложил вскрыть и осмотреть мощи св. праведного Прокопия Устьянского – местночтимого святого. Мощи эти лежали в церкви села Бестужево одноименной волости Вельского уезда. Быков настаивал на том, что «надо прекратить дурачение масс». Его поддержали другие делегаты со словами «фанатизм должен быть рассеян, хотя бы и с жертвами». Были, правда, и сомневающиеся... Вернее, был всего один делегат. Он был, конечно, не против, но учитывая «темноту масс» и накаленность обстановки... Никто его и слушать не стал. Не стали слушать даже председателя Вельского уисполкома, который знал лучше других, как «темные массы» относятся не только к атеистам, но и к продразверстке, трудовой повинности и новой власти вообще. Председателя заклеили трусом и соглашателем. Мгновенно создали комиссию по вскрытию мощей, и та уже через четыре дня после окончания конференции прибыла в село Бестужево, где мощи вскрыла, засвидетельствовала, что мощи истлели, сфотографировала их, а фотографии разослала по уезду. Фотографии не только не «рассеяли фанатизм», но произвели совершенно обратный эффект. Когда через три недели власти решили гроб с мощами из села увезти, их встретила полуторатысячная толпа возбужденных крестьян. Агитатора из Вельска разоружили и избili. Выстрелы в воздух не помогли. Бестужевцы направились к волисполкому, где намеревались отобрать лошадей у прибывших за мощами. По пути крестьяне освободили из-под ареста кулака, арестованного за спекуляцию. Дело принимало нехороший оборот. Только тогда, когда командир отряда, заведующий агитационным отделом уисполкома Истомин пообещал немедленно уехать, а мощи оставить, народ стал успокаиваться. Правда, после отъезда солдат сельчане все же добрались до волисполкома, и женщины немного... поговорили с членом комиссии по раскладке чрезвычайного налога, а уж потом разошлись по домам. Мощи в церкви с этого момента круглосуточно охраняли тридцать человек с берданками.

Власть, однако, закусил удила. Решено было послать за мощами второй отряд красноармейцев, объявить Бестужевскую волость и соседнюю с ней Никольскую на осадном положении, передать в них власть военно-революционному комитету, арестовать зачинщиков, священников, мощи забрать, привезти в Вельск на всеобщее обозрение и просить Вологодский губисполком о военной помощи. Крестьяне тоже не собирались сидеть сложа руки и... К счастью, удалось договориться. Власть пообещала мощи не забирать, а крестьяне пообещали вернуть уисполкому оружие, отобранное у приезжавшего к ним отряда, и не трогать комиссию по раскладке чрезвычайного налога.

Мощи св. праведного Прокопия Устьянского пролежали в церкви села Бестужево до января 1939 года. В январе 1939-го их сожгли по инициативе «Союза воинствующих безбожников». Сожгли прямо за селом. На дворе стоял тридцать девятый год, а не девятнадцатый. Опасно было даже подумать о том, чтобы собраться толпой возле церкви.

И еще. В Вельском краеведческом музее хранится икона, написанная Василием Феоктистовичем Кулаковым. Она не из бестужевской церкви, а из другой, разрушенной в тридцатые годы. Ее уже в двадцать первом веке передали в дар музею. На иконе, изображающей преподобного Симеона Столпника и великомучеников Георгия и Пантелеймона, выколоты глаза у всех троих.

В 1919 году, в самый разгар боевых действий, вельский уисполком стал добиваться от центральных властей соединения Вельска со станцией Коноша на железной дороге в Архангельск. Достали из архива и отряхнули от пыли «Записку об экономическом значении проектируемого к устройству железнодорожного пути от г. Вельска к ст. Няндомы», перепечатали титульный лист, исправили «ст. Няндомы» на «ст. Коноша», печати с двуглавыми орлами заменили печатями с серпами и молотами и... снова отказ. Сначала надо было отбить у белых железную дорогу к Архангельску, а уж потом строить ветку от Коноши до Вельска.

В феврале 1920 года последние англичане покинули Архангельск, а через год, в середине марта, началось восстание крестьян Вельского уезда под лозунгом «Советы без коммунистов». Катализатором крестьянских волнений, как и во многих уездах и губерниях, послужила продразверстка. Крестьяне из разных волостей числом не менее трех-четырёх тысяч человек двумя колоннами двинулись на Вельск. Толпа из пятисот крестьян даже зашла в Вельск, захватила почту, телеграф и отобрала оружие у почтальонов. Власть эту толпу смогли разоружить, оружие отобрать, а самих крестьян выгнать из города. Основные силы повстанцев были встречены залповым огнем. Часть крестьян, понеся потери убитыми и ранеными, повернула обратно. Тем не менее в нескольких волостях советскую власть изгнали, и крестьяне установили свою. Прдержалась она недолго – уже девятнадцатого марта на подмогу властям в Вельск прибыл отряд коммунистов из Шенкурска, а в село Верховажье – отряд из Тотмы. Из Вологды прибыл еще один отряд. Двадцать седьмого марта все было кончено. Шесть организаторов восстания и пятнадцать командиров крестьянских отрядов были расстреляны, а около полутысячи человек были приговорены к разным тюремным срокам.

В том же году, но уже в августе, Совет труда и обороны предписывает создать в Архангельске трест «Северолес». С этого момента участь Вельска, как писали в старых романах, была решена – его судьба связывается с заготовкой и обработкой леса. В Вельском районе организовываются три лесных района, переименованных потом в леспромхозы.

Разрыв между рубкой и возкой

Мало-помалу начинает налаживаться мирная советская жизнь. В 1922-м решают строить электростанцию. Открываются десятки потребительских кооперативов, кредитных товариществ и промысловых артелей. Открываются сельскохозяйственный техникум и более пятидесяти школ ликбеза. Даже коров стало больше на пять процентов, чем в шестнадцатом году.

По-прежнему заготавливали смолу, канифоль, скипидар, пек, деготь и сажу. Только делали это уже не смолокуры-одиночки и не артели, а Вельский смолосоюз, из этих смолокуров и состоявший. В мае 1925 года в уезде объединились двадцать четыре крестьянских хозяйства и создали первое товарищество по обработке земли. Буквально через месяц новое товарищество купило новый трактор «Фордзон» и новую паровую мельницу. Вельский отдел культуры приобрел две кинопередвижки, и киномеханики поехали по деревням показывать «Закройщика из Торжка», «Аэлиту» и «Броненосца „Потемкина“».

Первого мая 1926 года на площади Свободы открыли памятник Ленину. Больше полувека вокруг него водили хороводы коммунисты и беспартийные – шли мимо с транспарантами, на которых было написано «Миру – мир!», «Народ и партия едины», «Летайте самолетами „Аэрофлота“», «Не канифольте нам мозги!» (потомственные смолокуры... их не исправить), махали красными флажками, пели «Катюшу» и кричали ура. Потом памятник (а он представлял собой скромный бюст без кепки) перенесли в другое, более скромное место. В 1980 году на том же месте на том же постаменте поставили алюминиевого вождя с поднятой вверх рукой. Алюминиевый Ильич простоял двенадцать лет. Он бы и еще простоял, но в марте 1992-го поздно вечером кто-то Ленина взорвал. Разнесло старика на мелкие кусочки. Так и не нашли тех, кто это сделал. Может, и не искали. Пять лет после взрыва коммунисты пилой с мелкими зубьями пилили власти, чтобы им поставили на площади новый памятник. Им поставили. Вернее, привезли из Онеги, в которой чисто случайно завалилось два совершенно одинаковых. Бронзовый Ленин и стоит теперь на площади, которая называется площадью Ленина.

Вернемся в середину 1920-х. Средняя зарплата в Вельске была тогда сорок девять рублей в месяц. При том что килограмм белого хлеба стоил двадцать копеек, а килограмм селедок – около сорока, килограмм сахара – семьдесят девять, и почти столько же стоил килограмм вареной колбасы первого сорта. Ржаную муку и вовсе можно было купить по шесть копеек за килограмм. Дорого обходилось топленое масло – полтора рубля за килограмм. Если оно, конечно, было в продаже. Зато килограмм монпансье стоил всего девять копеек. С одной стороны, жить стало... а еще дрова, а еще одежда, а еще лекарства... Тут уж не до монпансье. Одно хорошо – в Вельске не нужно было ехать на службу и обратно – до всего можно было дойти пешком. Кстати, о службе. По сравнению с 1920 годом в три раза выросло количество растратчиков. На монпансье им, что ли, не хватало... Больше всего, однако, жителей Вельска и уезда в 1920-е годы привлекали к ответственности не за растрату казенных денег, а за самовольную рубку леса, самогонование и злостную неуплату налогов.

По итогам переписи 1926 года в Вельске проживало почти три с половиной тысячи человек. На это количество жителей приходилось тридцать пять лошадей, сто коров, полсотни свиней и семьдесят овец. Если поделить количество коров, свиней и овец на количество жителей, то по половинке коровы и овцы, как в 1870-х годах, уже не получится, а в свинных пяточках выйдет и вовсе одно расстройство – по два десятка пяточков на каждого. Конечно, можно исключить стариков, старух и грудных младенцев – им все равно не прожевать, но по шестьдесят два пяточка все равно вряд ли выйдет. Зато в 1928 году в уезде уже не осталось сох – их вытеснили плуги.

В январе 1929-го упразднили губернии, уезды и волости. Упраздненная Вологодская губерния, в составе которой был упраздненный Вельский уезд, вошла в Северный край, центром которого ВЦИК назначил Архангельск. Через полгода из того, что было Вельским уездом, сделали три района – Вельский, Верховажский и Устьянский, а еще через год из того, что осталось от Вельского уезда и называлось Вельским районом, был выделен еще и Коношский район. В 1936 году Северный край упразднили и на его территории образовали Северную область, в которую вошел Вельский район. Еще через год упразднили и Северную область, и Вельский район, у которого уже ноги отваливались входить и выходить из одной области в другую, вошел наконец в Архангельскую и там остался.

Начало 1930-х прошло в районе под лозунгами: «Две тысячи лесорубов должны быть завтра в лесу», «В ударном квартале держать неослабный темп», «Идет штурм боевой. Всем миром в лес. Смело в бой!», «Даем десятки новых ударных бригад! Уничтожить зияющий разрыв между рубкой и возкой!»... Газета «Вельский лесоруб», в которой печатались эти лозунги, настойчиво агитировала крестьян менять плуг на пилу и топор и переходить в рабочие лес-промхозов. Расписывала права и льготы, которые они получают, если... Крестьяне сомневались и переходили в рабочие плохо.

В октябре 1937-го Совнарком принял постановление о строительстве Северо-Печорской железной дороги от Котласа до Воркуты. Через три года, в 1940-м, новым уточняющим постановлением дорогу удлиннили почти на четыре сотни километров, и она стала идти от Коноши через Вельск на Котлас. Участок Коноша – Котлас строил Северо-Двинский исправительный трудовой лагерь, или Севдвинлаг, как его называли в разговорах. Просуществовал он шесть лет – до 1946 года. Штаб Севдвинлага разместили в Вельске. В ноябре 1940 года к месту работ привезли около двух с половиной тысяч заключенных с Дальнего Востока, а к январю 1941-го – уже свыше пятнадцати тысяч. Сами заключенные в городе, конечно, не жили – они располагались в лагпунктах через каждые два-три километра по намечаемой линии строительства¹⁵. Дорогу строили с помощью лопат, двуручных пил, топоров, тачек с одним колесом и носилок. Строили ее в общей сложности сорок две тысячи человек. Вельск стал расти – население его увеличивалось за счет приехавших сотрудников НКВД, руководивших Севдвинлагом, технического персонала и вольнонаемных жителей близлежащих сел.

Строили быстро. И это при том, что приходилось заниматься подсобным хозяйством, строить склады и мастерские вдоль будущей магистрали, столовые и даже кирпичный завод. На содержание заключенных денег государство не давало. К концу февраля 1942-го закончили земляное полотно, предварительно вырубив лес и выбрав грунт, а в самом начале марта уже положили рельсы. Седьмого марта в Котлас из Коноши через Вельск пришел первый поезд.

Сухой паек на двенадцать суток

Война пришла в Вельск в первых числах июля 1941-го¹⁶ вместе с эшелонами эвакуированных из прифронтовых областей. В конце месяца пришел эшелон из Ленинградской области – около тысячи человек, из которых больше сотни детей. Вместе с эвакуированными эшелон привез дизентерию и скарлатину. Первого сентября в Вельске организовали эвакуационный пункт. Эва-

¹⁵ Один из районов Вельска местные жители называют теперь «гаремом». Когда я спросил экскурсовода в местном краеведческом музее, откуда такое название, мне ответили, что в этом районе города были женские бараки. Впрочем, это больше похоже на легенду. Скорее всего, не было там никаких женских барачков. И женщин тоже не было. Надо сказать, что в краеведческом музее нет не то что зала, но даже и стенда с экспозицией, посвященной Севдвинлагу и строительству железной дороги от Коноши до Котласа. Да и вообще нет ничего о том периоде в истории Вельска. Оказывается, такая экспозиция была, но ее демонтировали. В музее мне сказали, что мало кто ею интересовался и экскурсий никто не заказывал. Как ни крути, а старинные мушкетеры, блестящие кирасы и резное блюдо из карельской березы, на котором поднесли хлеб-соль Александру Второму, выглядят куда привлекательнее, чем фотографии заключенных, в телогрейках на лютom морозе или в туче комаров строящих железную дорогу. Все же готовится целый зал, посвященный истории советского Вельска. В нем, в частности, будут выставлены материалы по истории Севдвинлага и строительства дороги.

¹⁶ В начале июля 1941-го в Ленинграде произошло еще одно событие, имеющее отношение к Вельску. По приговору Военной коллегии Верховного Суда был расстрелян уроженец Вельска, выдающийся советский генетик, заведовавший в Ленинградском университете кафедрой генетики растений, которую он сам же и организовал, Георгий Дмитриевич Карпеченко. Его арестовали еще в феврале 1941-го и обвинили в шпионско-диверсионной деятельности и в открытой борьбе под руководством Вавилова против «передовых методов научно-исследовательской работы и ценнейших достижений академика Лысенко по получению высоких урожаев». Реабилитировали Карпеченко посмертно в 1956-м. В Вельске о Карпеченко помнят. Его именем названа улица, открыт научно-образовательный центр «Дом Карпеченко», установлен памятник, и сам генетик посмертно внесен в списки почетных граждан Вельска. Стоял я возле памятника Карпеченко во дворе его дома и думал, что представить себе памятник Сталину в Вельске трудно. Практически невозможно. Потом еще постоял, еще подумал и решил, что действительность может быть куда богаче моего воображения, и не стоит... Не стоит, и все.

куированные, а проще говоря, беженцы приехали в Вельск в летней одежде, поскольку совсем не думали задерживаться там на зиму. К зиме уже должны были победить. Стали они писать в райисполком заявления с просьбой выделить кому обувь детям, кому носки, кому юбку. Льгот не имел никто. Жителей Вельска стали уплотнять, чтобы расселить постоянно прибывающих беженцев. Селили на чердаки, в недостроенные дома, бараки, землянки, пионерские лагеря... Сколько их там было, этих пионерских лагерей в Вельске при населении в шесть с половиной тысяч человек... Часть эвакуированных разместили в селах Вельского района. В сентябре в Вельск прибыл эшелон из Петрозаводска – почти три тысячи человек. Это были большей частью карелы – старики, старухи и дети. По-русски они почти не говорили. В конце августа пришел первый эшелон с эвакуированными из Ленинграда. Это были те, кто успел выбраться из города до начала блокады. В январе 1942-го приехало ленинградское военно-ветеринарное училище. Вот тут уже стало страшно по-настоящему. Большая часть личного состава училища умерла в дороге от истощения и болезней. Не считая тех, кто провалился в полыньи и воронки от взрывов при переходе по льду Ладожского озера. Большая часть из тех, что смогли перенести дорогу до Вельска, были дистрофиками и вставать уже не могли – их несли на носилках. Почти все болели дизентерией, туберкулезом, хроническими колитами и реактивными невротами. Их выхаживали¹⁷. Как и тех блокадников, которых привезли в Вельск весной 1942-го. Помогали им дровами, собирали одежду, валенки, хотя сами жили трудно. Летом 1943-го эвакуированному Государственному карело-финскому театру на двадцать два артиста выдали пять пар носков, три платка, три пары туфель, два шарфа и одно полотенце... И эвакуированные, и местные жители заготавливали лес, пиломатериалы, смолу, живицу, деготь, дрова, делали шпалы и обслуживали железную дорогу. Работали везде, где могли найти работу. Без работы можно было умереть от голода. С работой можно было умереть от постоянного недоедания, от непосильного труда, от болезней и от морозов.

Когда в 1944-м эвакуированные стали уезжать, городские власти каждому, кто уезжал организованно, эшелонам, выдавали сухой паек на двенадцать суток.

Горком партии с алтарной частью

После войны... История Вельска второй половины прошлого века и начала нынешнего удивительна в том смысле, что ничего из построенного во время войны и после нее не развалилось, не разорилось и не прекратило работать по тысяче причин, по которым у нас все разваливается, разоряется и перестает работать. И железная дорога, и леспромхоз, и построенная в 1949-м огромная лесоперевалочная база, и мясной и молочный комбинаты, и хлебозавод, и асфальтобетонный, и два техникума – сельскохозяйственный и экономический, – все это работает, за исключением птицефабрики, которая сгорела совсем недавно, в 2015 году. Даже время в курантах на городской пожарной каланче течет не быстрее и не медленнее, а ровно так, как и полагается времени в маленьких провинциальных городках – в час по чайной ложке.

Из неувидительного – окончательно разобрали в конце 1950-х Троицкий собор, который начали разрушать еще в 1937-м. Теперь на соборной площади стоит бутик-отель «Троицкий». Говорят, что хороший. Спасо-Преображенскому собору, стоящему неподалеку от того места,

¹⁷ Вот что писал в воспоминаниях о Вельске зимы 1942 года Константин Ярунцев, в то время курсант Ленинградского военно-ветеринарного училища: «Город Вельск. В начале 1942 года его еще почти не коснулась война, и жили там сытно и без затемнений. В городе размещалось управление Севдвинлага, то есть Северодвинского лагеря заключенных, и работники управления и служащие, получая паек или приходя в столовую за обедом, еще просили дать не очень жирное мясо, без подливки кашу и тому подобное. То есть перебирали заказы. Хлеб был и пшеничный, и ржаной, и очень белый, и всего сколько угодно. Для нас, видавших смерть от голода, истощенных, едавших жидкий черный хлеб и всякую сколько-нибудь съедобную дрянь, все это казалось сном, невиданным счастьем, и мы как нищие просили в столовых в первые дни поесть, ходили по домам и нас, правда, приветчали, „разбирали“ по семьям для подкормки как блокадников. Но это побирушничество скоро запретили как явление, позорящее честь училища».

где стоял Троицкий собор, повезло больше – в нем разместили в начале 1920-х дом культуры. Правда, довольно сильно изуродовали при этом – снесли все пять куполов и понаделали в нем окон в конструктивистском стиле, отчего он стал похож на советский горком партии с алтарной частью. В 2014 году приняли решение собор восстановить, но прежде построить новое здание дому культуры. Денег, правда, с тех пор на строительство нового здания так и не нашлось, но как найдется – так сразу и... Не тронули только деревянную кладбищенскую церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенную еще при Екатерине Второй. По этому кладбищу я долго бродил и в одном из его заросших бурьяном, крапивой и снытью углов нашел обломок черного гранитного надгробного камня, на котором прочел, что Софья Михайловна Протопопова умерла двадцать первого сентября 1882 года, и уже не мог от этого обломка уйти, а все представлял себе, как она жила в этой глуши, как мерзла зимой от лютых холодов, как не вытаскивала рук из меховой муфты даже дома, как читала выписанные из Вологды журналы, как просыпалась по ночам от воя волков, забредавших на городскую окраину, как толкала ногой храпящего мужа, чтобы он сделал что-нибудь, как дородный муж – чиновник удельного ведомства или даже исправник – только чмокал противными толстыми губами, шевелил толстыми усами и отворачивался к стене... Впрочем, может, она и не читала никаких журналов, а была женой нищего дьячка этой церкви и только зевала до судорог, выглядывая в заметенном снежном окне церковной сторожки редких прохожих или почтовую тройку, едущую по тракту из Вологды в Архангельск. Злые языки поговаривали, да и сам дьячок верил в то, что жена его – настоящая ведьма и может закружить...

Тут пошел дождь, и я поехал в гостиницу «Юрьево подворье», пообедал там ухой из палтуса и трески, запеченной семгой с креветками, выпил рюмку водки, чайник чаю, съел яблочный штрудель с мороженым и, чтобы не уснуть, стал читать газету «Вельские вести», в которой было написано о том, что районная администрация устроила турнир по ментальной арифметике среди маленьких и очень маленьких детей, о строительстве нового моста через Вагу, о том, что при поддержке главы Вельского района состоится фестиваль по поплавочной и донной ловле рыбы с берега, о том, что злоумышленник из поселка Тегро-Озеро забрался в чужой дом и съел там всю еду, которую смог найти, а второй залез в баню и украл там алюминиевый бак... На этом месте я все же заснул и во сне все старался вспомнить – зачем я уезжаю из Вельска, где в середине июня цветет сирень, поют соловьи и на тихих улицах пахнет печным дымом, возвращаюсь в Москву, где сирень давно отцвела, соловьи не поют, а на шумных улицах пахнет... Так и не вспомнил.

Июнь 2018

Библиография

Алферов М. Ф. Хроника Вельской земли. Вельск, 1995.

Веревкина Г. А. Волнения крестьян Бестужевской волости Вельского уезда весной 1919 г. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 61–68.

Шумар М. А. Социалистическое соревнование в лесозаготовительной промышленности Вельского района в 1929–1937 гг. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 7. Вельск, 2016. С. 110–111.

Лебедев Д. В. Георгий Дмитриевич Карпеченко (1899–1942) // Выдающиеся советские генетики. М.: Наука, 1980. С. 37–48.

Трошина Т. И. К вопросу о Вельском союзе хлеборобов // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 60–80.

Котов П. П. Смолокурный промысел в Поважье в первой половине XIX века // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 53–61.

Баландина Н. В. Образование в Вельском уезде/районе: история длиною в век // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 9. Вельск, 2019. С. 60–69.

ЧЕЛОБИТНЫЕ ОВДОКИМА БУРУНОВА (ШЕНКУРСК)

Первые восемьсот пятьдесят километров из Москвы в Шенкурск ехать легко – трасса «Холмогоры» гладкая и удобная, а за Вологодой машин так мало и нога сама так давит на педаль газа, что штрафы за превышение скорости потом замучаешься оплачивать. Для того чтобы попасть в Шенкурск, нужно с трассы свернуть и доехать до реки Вага по уже не очень хорошей дороге и переехать реку по понтонному мосту. Мост принадлежит какому-то частному лицу, и проезд по нему в одну сторону стоит сто рублей. Не для москвичей или вологодцев с архангельцами, а для всех, и для шенкурян в первую очередь. Зимой по льду Ваги дешевле. Это если идти пешком по подготовленной дороге и бесплатно, если идти на свой страх и риск без всякой дороги. По-другому к Шенкурску практически не добраться. В принципе, государство должно рядом с платной дорогой... Ну это в принципе, о котором не стоит и вспоминать. И вообще моста через Вагу в районе Шенкурска нет с самого первого письменного упоминания города в 1137 году в Уставе новгородского князя Святослава.

Усть-Вага

Географический словарь Российского государства, вышедший в начале девятнадцатого века, честно и просто пояснял появление Шенкурска: «Что касается до начала сего города, кем он основан и построен, и на какой случай, точного известия нет». Впрочем, тогда сей город и не думал называться Шенкурском, а был Усть-Вагой или просто Вагой, расположенной в месте впадения в Вагу реки Шеньга. Некоторые ученые считают, что написанное в Уставе «оустье Ваг» вообще означает не поселение и тем более никакой не город, а совокупность поселений в устье Ваги, в том месте, где она впадает в Северную Двину, и находится оно... Если так считать, то все шенкурские стелы, на которых большими железными цифрами написан год его основания, придется переделывать. Кто же на такое согласится...

Со временем река Шеньга изменила свое русло и стала впадать в Вагу выше того места, где теперь находится Шенкурск, а в том месте, где она раньше впадала, осталась так называемая курья, то есть старица, или попросту участок прежнего русла реки. Берем Шеньгу и прикрепляем к ней курью, лишние буквы убираем, нужные добавляем, и в итоге получается... Если спросить у археологов, то они вам скажут, что в двенадцатом веке никакого города, конечно, не было. Было городище, окруженное частоколом. Жили в нем в землянках с еще не очень хорошо прирученными собаками и еще хуже прирученными кошками славяне, потеснившие финно-угров, которым, когда они пришли в эти места в девятом веке, и теснить-то, кроме медведей и кабанов с волками, было некого. Остатки этого городища в виде небольшого холма видны и теперь, но большую часть его смысла Вага, которая время от времени вымывает оттуда обломки глиняных горшков, кости съеденных кабанов, лосей, лещей и хариусов, бронзовые украшения, рыболовные крючки, наконечники всего того, что можно наконечить, и тащит по направлению к Северной Двине. Так что большая часть всех тех сокровищ, от которых теряют голову археологи, разбросана по дну Ваги. Рядом с холмом протекает по дну оврага впадающий в Вагу ручей. Археологи говорят, что он искусственный и прокопали его те самые первые поселенцы в оборонительных целях. Вот он и охраняет до сих пор то, что осталось от городища. В том месте, где ручей впадает в реку, раньше была пристань, к которой еще в советское время приставали теплоходы, поднимавшиеся вверх по Северной Двине и Ваге от самого Архангельска. Теперь на Ваге кроме рыбачьих лодок да крошечных буксиров никого не увидишь. Пристани в Шенкурске тоже нет, но на берегу, у того места, где она была, раз в год в

самом начале ледохода собирается молодежь и гуляет у давно заколоченной мертвой избушки под названием «Спорт-бар» с живым пивом и прямыми трансляциями спортивных игр. Когда-нибудь Вага и эти пустые пивные бутылки, банки и пакеты из-под чипсов отнесет и сложит в то место, где у нее спрятаны наконечники стрел и обломки глиняных горшков.

К концу двенадцатого века в этих местах жили славяне, а финно-угры, которые тогда назывались «чудью белоглазой» или «чудью заволочской» (то есть жившей за волоком), частью смешались со славянами, частью забрались в совсем уж непроходимые лесные дебри, а некоторые и вовсе превратились в старичков-лесовичков, водяных, русалок, леших и кикимор, которых здесь и сейчас полно из-за многочисленных болот. Существует еще и легенда, по которой последняя чудская знать, не желающая идти в рабство, выкопала глубокий погреб, забралась в него и обрушила на себя землю. По верованиям туземцев, душа раба и на том свете будет рабой. Ради свободы в загробной жизни они и лишили себя той, что у них была. Все это, конечно, красивая легенда, совершенно не объясняющая существование огромного количества кикимор, леших и русалок, населяющих со времен Средневековья леса, реки и болота здешних мест.

Десять рублей серебром и двадцать тысяч беличьих шкурок

О первых десятилетиях существования поселения не известно примерно ничего, кроме того, что эти места приглянулись новгородским боярам и ростово-суздальским князьям – и те и другие захотели сделать из них, выражаясь современным языком, свою налоговую базу. Новгородцы были проворнее, если не сказать пронырливее. Они приходили в Поважье торговыми гостями и скупщиками пушнины у туземцев. Устраивали свои погосты со складами внутри, завозили на эти склады товары, дюжих охранников, укрепляли эти склады так, что они превращались в осадные дворы, и... В 1315 году важский староста Азика «с братией», которую звали Ровда, Игнатец и Харагинец, продали новгородскому посаднику Василию Матвеевичу Едемскому Шенкурский погост и земли вокруг него за десять рублей серебром и двадцать тысяч беличьих шкурок. «А что Шенкурского погоста и земли, и воды, и леса лешинии, и реки и лешинии реки, и мхи, и озера, и соколя гнезда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василию себе и своим детям в веки». Тот, кто нарушит этот договор, называвшийся «рядной записью», должен был уплатить штраф в размере двадцати гривен золота и посаднику, и новгородскому князю. Десять рублей серебром староста с братией пересчитали быстро, а вот двадцать тысяч белок считали и пересчитывали до утра.

Внук Василия Матвеевича, Василий Степанович, через сто лет переехал в эти места, постригся в монахи и основал Иоанно-Богословский монастырь. Еще через сто лет он был приобщен к лику святых под именем Варлаама Важского. То есть сначала-то он почти всю жизнь прожил в Новгороде посадником, а на старости лет разделил все свое – и, надо сказать, немалое – добро между десятью детьми, но часть все же оставил себе. На эти деньги он в семнадцати верстах от Шенкурска построил укрепленную усадьбу на берегу речки Пинежки. Неподалеку от усадьбы возник монастырь, в который Василий Степанович¹⁸ и удалился уже в самом конце своей бурной жизни, перед этим пожертвовав монастырю часть земельных владений. Как раз на том месте, где инок Варлаам молился, после его смерти забил родник, потом над родником поставили колодец, потом во время одного из разливов Ваги в середине шестнадцатого века гроб с телом Варлаама вскрылся, и тогдашний игумен с братией обнаружили, что мощи Варлаама нетленны, потом пошли исцеления... Или они уже были до того... Короче говоря, через самое короткое время после вскрытия гроба и освидетельствования мощей Варлаам был причислен к лику святых.

¹⁸ Интересно, что в Новгородской летописи Василий Степанович Едемский упомянут под именем Василия Шенкурского.

За четырнадцатый век Шенкурский погост умудрился так подрасти, что в конце века в Устюжском летописце он назван Великим. Наверное, потому, что устюжский летописец из своей Устюжны дальше какого-нибудь Весьегонска, которого тогда и на свете не было, не выезжал ни разу. В четырнадцатом веке в Шенкурске по грамоте новгородского архиепископа была построена деревянная церковь во имя архистратига Михаила.

Город Вага

После битвы на реке Шелони, в которой московские войска наголову разбили новгородское ополчение, земли в Поважье вместе с Шенкурским погостом перешли под руку московского великого князя. Впервые Шенкурск назван городком в жалованной грамоте Ивана Грозного в 1553 году. Не погостом, а городком. Это значит, что в Шенкурске была крепость. Понятно, что деревянная, понятно, что маленькая, но крепость. Жалованная грамота была дана городовому приказчику Ивану Васильеву, сыну Федора Едемского, который и стал управлять Шенкурском вместо проворовавшихся царских наместников, обиравших местное население так, что ходоки из Важского уезда явились в Москву и подали царю челобитную, в которой предложили свою кандидатуру на пост городского головы. Царь взял... и согласился.

Через восемь лет Шенкурск, названный городом Вагой, в числе двадцати северных городов был записан Грозным в опричнину. Если взглянуть на список этих северных городов, в котором были Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, то сразу становится понятно – бедных в него не записывали. После смерти Грозного Вага, она же Шенкурск, к тому времени уже записанная в земщину, попала в еще один список. Борис Годунов, предварительно выяснив, «сколько с Ваги каких денежных доходов до Борисова владенья платили», записал ее в приданое своей дочери Ксении, которая вот-вот должна была выйти замуж за датского принца Иоанна Шлезвиг-Гольштейнского, но... не вышла, и Вага так и осталась за царем.

Посреди Смуты, в феврале 1613 года, крестьяне Шенкурского и Ледского станов собрали в дорогу Овдокима Олферьева Бурунова и велели «итти ему к Москве... и бить челом боярам и воеводам по той челобитной о всяких наших мирских нуждах и без указа с Москвы не сойти». Это все равно что в феврале 1918 года идти ходоком к Ленину по огромной заледевшей стране, ежечасно подвергаясь опасности быть схваченным то поляками, то казаками, то литовцами, то красными, то белыми, то быть съеденным в дремучем лесу волками, пряча под худым армяком челобитную, в которой неуклюжими крестьянскими буквами написано: «Покорнейше просим Советскую власть защитить нас от полного разорения и выдать нашим делегатам бумагу с пояснением, что можно с нас требовать и что нельзя, дабы мы могли в случае чего предъявить ее местным властям, а также чтобы наши делегаты могли оправдаться, что они все делали в соответствии с этим наказом», – но это уже двадцатый век, хотя крестьяне все те же – из той же губернии, но соседнего с Шенкурским Вельского уезда. Без указа с Москвы не сойти... Между этими двумя челобитными была еще одна – безотказного Овдокима Бурунова в 1621 году снова отправили с челобитной в столицу. Видимо, толку от первого похода было мало, и боярам с воеводами веры уже не было, а потому земляки Бурунова велели ему бить челом или царю лично, или патриарху Филарету, а «опричь государя и святейшего патриарха Филарета мирских наших челобитных в иных приказах не подавать нигде». Как живой стоит у меня перед глазами вернувшийся домой и до смерти уставший, обносившийся и оголодавший Бурунов. Снимает он шапку, показывает мужикам разбитое чело с огромным, уже желто-багровым синяком и говорит в сердцах: «...Хоть убейте меня, хоть на части разрежьте, но чтобы я еще хоть раз делегатом...»

Не надо, однако, думать, что жители Важского уезда умели только посылать ходоков с челобитными в Москву и, повторяя «Суди его бог!», разводить безнадежно руками. Из сорока

шести человек, сосланных в Сибирь на вечное поселение после подавления разинского восстания, треть была дворцовыми крестьянами Важского уезда.

Шенкурская крепость

В том же 1621 году запись о Шенкурской крепости появляется в дозорных важских писцовых книгах, и это не просто упоминание о том, что она существует, а ее описание. Город был огражден частоколом и рвом, имел четыре воротные и десять глухих башен. На башнях были установлены три полуторные пищали и две скорострельные пушки, предназначенные для стрельбы с крепостной стены, а кроме того, мушкеты, порох, свинец, ядра железные, свинцовые и дюжина стрельцов, вооруженных казенными пищалями. На гостином дворе было уже без малого три десятка лавок с сидельцами и кабак, а на воеводском – съезжая изба и тюрьма. Кроме соборной церкви выстроили еще две, а к ним восемь келий и пять дворов священнослужителей. Посад насчитывал пятьдесят девять дворов. Это был уже не эмбрион города, не погост, а настоящий город с шумной толчеей у торговых лавок, с кривыми грязными переулками, с лаем цепных псов, с пьяными драками стрельцов у дверей кабака, колокольным звоном по праздникам и набатом во время непереносимых пожаров.

Шенкурские кроме охраны крепости, крестьянского труда и торговли хлебом занимались тем, что плели сети, неводные, пряли пряжу, вязали чулки и шили рукавицы. Делали они это на продажу, и большей частью всю эту продукцию у них покупала Сибирь. Через посредников, которыми были купцы, к примеру, из Великого Устюга. Им жители Поважья продавали свои неводные сети десятками и сотнями саженой. Промышленники и стрельцы, уходившие в Зауралье, брали с собой кроме наборов с инструментами теплые рукавицы, вязанные чулки и, конечно, сети, чтобы ловить рыбу, которой они в этих безлюдных и суровых местах большей частью и питались.

Все эти сети, чулки и рукавицы были, если так можно сказать, легкой промышленностью, а тяжелой был пушечно-литейный завод, открывшийся в 1644 году в двенадцати верстах от Шенкурска. История не сохранила имени того, кто его основал. Известно только, что он был иностранец. Работал завод на местной болотной руде. В местном музее есть пушка этого завода. Пушка как пушка – длиной почти три метра. Стреляла десятисантиметровыми в диаметре ядрами. Завод проработал до самого конца семнадцатого века. Его, как предполагают местные краеведы, закрыл Петр, поскольку в Олонецкой губернии нашли железную руду гораздо лучшего качества. Вот, собственно, и вся шенкурская промышленность в те времена. Исключая, конечно, смолокурение, которым в той или иной степени занимались почти все крестьяне. В самом конце семнадцатого века смолокурение в Поважье по царскому указу было отдано на откуп иностранцу Томасу Кильдерману.

Серебряный с черными глазами барсук

В начале восемнадцатого века Важский уезд, в состав которого входил и Шенкурск, был приписан к Архангелогородской губернии, но в 1757 году огромный уезд разделили на две половины – Шенкурскую и Верховажскую. Центром верховажской половины стал Вельск, а шенкурской – Шенкурск. Говорить о том, что Шенкурск к восемнадцатому веку стал крупным ремесленным центром, не приходится. И то сказать – по переписной книге 1678 года во всех посадах Важской земли было немногим менее трехсот тягловых дворов. В одних Холмогорах было в два раза больше. Правда, в соседнем Вельске к тому времени было дворов в семь раз меньше, чем в Шенкурске, но это утешало мало.

Вообще начало восемнадцатого века было в городе, как почти везде в России, тяжелым. Плотников по корабельному делу в Санкт-Петербург пришли, кузнецов пришли, токарей, кото-

рых, может, у тебя в Шенкурске и нет вовсе, все равно пришли, да подводы дай, да запас продуктов на дорогу дай, да налоги на все, кроме воздуха и воды, заплати, а потом, как новый год придет – снова начинай присылать и платить. И при этом зиму, которая длилась полгода, и морозы под сорок градусов никто не отменял. В гостинном дворе пустовали семнадцать лавок, и полтора десятка крестьянских дворов стояли заколоченные, поскольку их владельцы «сошли от хлебной скудости». В бумагах приказной палаты Шенкурска за 1708 год обнаружена запись коменданта о том, что крестьяне Важского уезда хотят «дворы свои и тяглые жеребьи метать в пусто и ехать в Сибирь и в ыные города и уезды и для того тяглых жеребьев не засевают и скот, и скарб избывают».

В сентябре 1706 года по царскому указу велено было строить таможню, амбары, погреба, ледники и водяную мельницу, а для этого по высокой воде весной доставить к Шенкурску две тысячи сосновых бревен, пять тысяч пластин драни, семь десятков тесин... Не доставили. Пока думали, как отписать начальству, что обстоятельства, что погода... пришел новый указ с требованием строительство завершить. Ну и прислать очередных плотников с кузнецами в Петербург. И это не все. В 1710 году приказано было «подрядить охочих добрый людей», чтобы произвести сорок тысяч бочек смолы к приходу в Архангельск иностранных торговых кораблей. Смолокурение при Петре, кстати сказать, было не только способом заработать денег – оно было и повинностью, поскольку смолой можно и нужно было платить налоги. И смолу-то эту проклятую выкурить просто так, нарубивши дров и спалив их, было нельзя. Сначала купи патент, потом заплати...

Во второй половине восемнадцатого века сенат озаботился увеличением производства смолы. Велено было курить смолу так, как это делали на Западе – в печах из огнеупорного кирпича. Важские смолокуры обычно никакими печами не пользовались – им для организации процесса достаточно было вырытой ямы. Сенатская задумка была хорошей – в печах можно было использовать и пни, и корни, и просто упавшие и сломанные деревья. В сенате все рассчитали заранее – «сколько бочек из стоячего леса и сколько из пня и корня той смолы выкурить надлежит...». Использование такого рода печей позволило бы не только увеличить производство смолы, но и хорошего строевого леса меньше тратить на ее выкуривание. Если бы все это можно было объяснить крестьянам и убедить их, то они непременно построили бы печи и выкорчевывали все до единого пня и корни, чтобы из них гнать смолу. Если бы...

Шенкурск был городом чиновников, купцов и монахинь. У находившегося в городе Свято-Троицкого монастыря, основанного еще в 1664 году, так хорошо шли дела, что в 1719 году на его звоннице установили куранты, стоившие по тем временам немалых денег. Интересно, что первоначально эти куранты заводились по святцам на два отделения – дневное и ночное. Дневное начиналось с восходом и шло до заката, а ночное – от заката до восхода. Такие куранты назывались «русскими», и в них была всего одна стрелка, стоящая на месте. Двигалось в них кольцо с буквами, обозначававшими часы, а сами часы были не одинаковыми по длительности, как сейчас, а разными и назывались косыми... Короче говоря, все это было очень сложно, и правильно ответить на вопрос «который час» не всегда могла даже игуменья монастыря, а потому через сорок три года механизм и циферблат переделали на современный лад с часовой и минутной стрелками. Правда, к тому времени монастырь успел захиреть, и через год после того, как часы модернизировали, монастырь закрыли и оставшихся четырех монахинь отправили в Холмогорский Успенский монастырь, а еще через пятнадцать лет монастырь восстановили и сделали мужским, а еще через семьдесят восемь лет, уже в девятнадцатом веке, его снова сделали женским, и его из Холмогор приехали возвращать к жизни сорок монахинь во главе с игуменьей Феофанией. И так хорошо восстановили, что в монастыре перед приходом большевиков были мастерские и золотошвейные, и иконописные, и рукодельные... Ну, до большевиков еще надо добраться, а что касается часов, то их на звоннице монастыря давно уже нет. И самой звонницы нет. И сам монастырь в таком состоянии... Зато в музее есть

часть механизма курантов. Как мне сказали в музее, едва ли треть от того, что было. Эта треть, весящая не меньше центнера, представляет собой полтора или два десятка огромных, местами уже ржавых, шестеренок, соединенных в одну конструкцию коваными железными полосами.

Положа руку на сердце, восемнадцатый век не был золотым веком Шенкурска. По городской книге 1785 года, в городе числилось сорок четыре дома мещан и восемь купеческих. Лавок было всего одиннадцать, а все население, включая дворян и духовенство, насчитывало около пятисот человек. В первой четверти семнадцатого века лавок было в три раза больше. Что же до населения, то его, по переписной книге 1678 года, было больше на целую треть. При Екатерине Второй, когда Шенкурск стал уездным городом и ему дали герб, на котором был изображен «в зеленом поле идущий серебряный с черными глазами, носом, полосой на морде, брюхом и лапами барсук», решили его перестроить. Разработали план, высочайше утвердили его, построили каменное здание присутственных мест, уездное училище, и... деньги кончились.

Ближе к концу века по заказу Камер-коллегии было произведено описание Шенкурского уезда, в котором среди прочего было сказано: «Урожай бывает ржи в пятеро и шестеро, ячменю в четверо и пятеро, овсу втрое и четверо, но лучше всех удается рожь; по некоторым селениям в огородах произрастает капуста, лук, горох, редька и репа. Скот у поселян мелкой и в малом количестве, лесу строевого мало, дровяного же боле. Поселяне занимаются ловлею зверей, стрельбою птиц, курением смолы, жжением осиновой золы и угля. Избытки свои продают в Архангельске, Шенкурске и на Евдокиевской ярмонке». Хорошие урожаи ржи, что и говорить. Не хуже, чем в губерниях, расположенных в средней полосе. При том что почва глинистая и местами каменистая и ее приходилось раз в два года унавоживать и удобрять грунтом из болот. Пшеницу здесь и не сеяли. Не росла здесь пшеница. Медведи, волки и кабаны росли и вырастали преогромных размеров, а пшеница не хотела. Если мысленно убрать из этого описания восемнадцатый век, то получится семнадцатый, если убрать Евдокиевскую ярмарку, которая проходила в селе Благовещенском, известном лишь с начала семнадцатого века, то шестнадцатый, а если убрать Архангельск, то и пятнадцатый. Хотя строевого леса у крестьян тогда было все же побольше. Как и медведей.

Три тысячи бревен и сто тысяч жердей

Начало девятнадцатого века в Шенкурске стало началом века просвещения. В 1804 году в городе открылось первое учебное заведение – приходское училище¹⁹. В нем был всего один класс и тринадцать учеников. В день его открытия на нужды училища было пожертвовано сто шесть рублей с полтиною. Городничий Странден, уездный судья Львов, исправник Кочерин, казначей Четверухин и соляной пристав Дьячков дали по десять рублей. Какой-то купец из Калужской губернии дал четвертную, градский голова купец Подосенов дал пятнадцать рублей, форшмейстер²⁰ Котов и верховажский купец Заровников – по пять рублей. Секретарь земского суда Федор Резанов – два с полтиной, а бухгалтер уездного казначейства Степан Резанов и

¹⁹ Были, конечно, и более прозаические события вроде волнений удельных крестьян в 1812 году. Мужики Тарнянской волости отказались платить подати. Власти послали к мужикам помощника управляющего Архангельской удельной конторой надворного советника Мадина и с ним разных чинов для строгого разговора с отказниками. Шенкурский исправник докладывал начальству, что еще ночью у избы, где остановилось начальство, «около ста человек, не приходя в избу, обстояли кругом двора, учинили крик и непорядочные ругательства». Это в одной деревне, а в другой дело дошло до того, что командировочные из Архангельска со страху заперлись в избе десятского, но толпа «окончины кольем выбили и разнесли двери, зашед в избу всех жестоко избивали». Всего же отказалось платить подати десять деревень Шенкурского уезда. Уездные власти писали архангельскому военному губернатору, что удельные крестьяне не платят податей «единственно из упорства и последования ложным внушениям развратного поведения их собратии». Бунт все же подавили, прислав роту солдат.

²⁰ Форшмейстер – лесничий.

верховажский купец Швецов оторвали от себя по два рубля²¹. Вообще в первые десять лет существования у училища с деньгами было совсем плохо, и градский голова Иван Подосенов... содержал его на свой счет. Предоставил ему дом и постоянно жертвовал различные суммы. Тут можно было бы провести параллель или даже перпендикуляр из девятнадцатого века в двадцать первый, но мы этого делать не будем, поскольку толку в этом...

Преподавал в училище протоиерей Григорий Заринский. Учеников в первые десять лет было мало – не больше дюжины, а потом стало еще меньше. В 1814 году их осталось всего четыре. Потом снова стало больше, а в 1816 году первые семь учеников смогли закончить полный курс обучения и получить аттестаты об окончании училища. За четырнадцать лет существования училища в нем обучился шестьдесят один ученик, а вот аттестаты об окончании полного курса получили всего двенадцать. Это совсем не значит, что учились они плохо. Дело в том, что родители забирали детей, едва те осваивали азы чтения, письма и арифметики. Детей ждала работа. Забирали их еще и просто потому, что родители не видели пользы в обучении. В 1835 году директор уездных училищ с трудом уговорил купца Добрынина и крестьянина Поромова, дети которых отлично учились, оставить их в училище еще на год – в третьем классе. К тому времени правительство дало денег, и одноклассное приходское училище преобразовали сначала в двухклассное уездное, а потом и в трехклассное. Среди учеников появились девочки.

Занимались в училище дети крестьян, отставных солдат, купцов и мещан. Учились сыновья почтальона, соляного вахтера, унтер-офицера и барабанщика. В общей сложности каждый год в училище обучалось не более трех, а иногда и двух десятков учеников. Шенкурское училище среди шести уездных училищ было на последнем месте по числу учеников. Учебники в училище имелись в достаточном количестве, но далеко не все ученики, а вернее, их родители могли их приобрести. В 1840 году директор училищ Архангельской губернии И. А. Никольский писал в отчете: «...столь малозначительное число учащихся, как уже было упомянуто, единственно зависит от ничтожности самого города Шенкурска, чрезмерной его бедности. Даже нельзя надеяться, чтобы город этот мог когда-либо прийти в лучшее, цветущее состояние, но, напротив, за 20 лет тому общество его было гораздо значительнее, нежели в настоящее время, потому, что торговый класс, лишившись тех выгод, коими пользовался в былые времена, принужден постепенно выписываться в другие города, оставляя прежнее свое жилище по местности и изменившимся обстоятельствам вовсе для него бесполезное. Даже нельзя без особенного горестного чувства смотреть на обветшалые одежды учащихся, из коих некоторые, не имея насущного хлеба, принуждены бывают выпрашивать милостыни, а потом идти в училище».

И девятнадцатый век не стал для Шенкурска золотым веком. Если честно, то и серебряным тоже. Само собой, курили смолу и научились при выкуривании получать отличного качества скипидар с канифолью. На Всероссийской промышленной выставке 1870 года важская смола была удостоена награды. Ее даже в Париж возили на выставку в 1900 году. В середине века в Шенкурском уезде насчитывалось около шести тысяч смолокуров. Мужского населения на тот период в уезде было чуть более двадцати семи тысяч. То есть каждый четвертый или пятый житель уезда был смолокуром. В уезде работали два пековаренных завода, производивших в год около двух тысяч пудов скипидара и двадцать пять пудов пека, которым в те времена гидроизолировали все, что гидроизолируется – от обувных подошв до деревянных корабельных корпусов и снастей.

²¹ Между прочим, жалованье городничего и уездного судьи в те времена составляло триста рублей в год. Так что Странден и Львов пожертвовали почти половину своего месячного заработка. Конечно, скажет читатель, помним мы прекрасно и Антона Антоновича Сквозника-Дмухановского, и Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина. Знаем мы, как жили они на жалованье... Не все, однако, городничие и судьи были такими. И вообще. Представьте себе хотя бы на мгновение руководителя районной администрации и районного судью, отдающих половину своих месячных заработков на нужды школы. Представили? То-то и оно... Секретаря райсуда и бухгалтера можете не представлять.

В самом Шенкурске население росло быстро – если в середине века в городе проживало семьсот человек, то к концу века это количество удвоилось. Завелась в городе и ежегодная ярмарка, куда жители окрестных сел и деревень привозили продавать свои «избытки» гороха, капусты, репы, лука, редьки, соленой и вяленой рыбы, глиняных горшков и вязаных носков.

Событий экстраординарных, к счастью, не было ни одного, если не считать визита великого князя Владимира Александровича в Шенкурск летом 1899 года. Суматоха была страшная. О визите стало известно еще в феврале. Планировалось, что великий князь приплывет в Шенкурск по Северной Двине и Ваге, а потом уедет из города на станцию Няндомы Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Тут надобно несколько отступить назад и рассказать о дороге, которая связывала Шенкурск со станцией Няндомы. Вернее, должна была связывать. Как уже понятно, сама железная дорога через маленький захолустный Шенкурск не прошла. Провели ее по кратчайшему маршруту из Вологды до Архангельска по малонаселенным болотистым местам почти на двести верст западнее Шенкурска. Все были недовольны – и Вельск, и Каргополь, и Пинега, и Онега, и Холмогоры, и Шенкурск. Как только дорога в 1897 году заработала, сразу прекратилась перевозка грузов по Московскому тракту с севера и сам тракт стал приходить в упадок. И вся рыба, пушнина и дичь, которую везли с севера в Москву и Петербург через Шенкурск, поехала по железной дороге мимо него. Умерли придорожные трактиры, кормившие ямщиков-дальнобойщиков, умерли монтаж и балансировка тележных колес, некому было продать носки и пояса, связанные из волчьей шерсти. Стоимость отправки груза из Вологды в Шенкурск увеличилась вдвое, поскольку теперь приходилось оплачивать дорогу в оба конца.

Шенкурские власти погоревали, погоревали – и решились прокладывать грунтовую дорогу из Шенкурска до Няндомы. Собственно говоря, дорога уже существовала, но уж очень узкая и извилистая – проехать по ней можно было только в узких санях, запряженных в одну лошадь, и только зимой. Летом, не говоря о межсезонье, доехать по ней до Няндомы не представлялось возможным – в некоторых топких местах лошадь проваливалась по брюхо. В те времена не только вода была мокрее и трава зеленее, но и грязь на дорогах куда грязнее нынешней. Для начала разработали три варианта постройки дороги. Архангельский губернатор из них выбрал один. После того как составили смету, губернский распорядительный комитет ее урезал, посчитав, что через реку Паденьга можно мост и не строить, а переехать через нее вброд. Поискать как следует подходящий брод и переехать. Архангельский губернатор, рассмотрев урезанную смету на часть дороги от Шенкурска до границы Каргопольского уезда, написал на ней: «Означенная смета, очевидно, рассчитана на такое исправление и устройство данного тракта, какое приближало бы его к типу столичных дорог» – и не утвердил. На переписку и переговоры ушло два года. В конце концов губернский распорядительный комитет выдал на строительство тысячу рублей вместо запрашиваемых тринадцати тысяч и предписал уездному исправнику на месте решить, какие работы можно сделать сейчас, а какие оставить на потом. Начальство посоветовало исправнику просто убрать камни, засыпать рытвины и застелить топкие места жердями. Выделенных денег было так мало, что решили сократить количество закупаемого песка, жердей и уменьшить ширину дороги с трех до двух саженой. И тут как снег на голову – визит великого князя. Вернее, как камни с неба. Шенкурский исправник срочно выехал осматривать дорогу, чтобы в кратчайшие сроки, с соблюдением строжайшей экономии...

Прямо с пристани, выслушав приветствие, Владимир Александрович отправился в городской собор, и на всем пути к собору девочки бросали цветы и даже букеты. В соборе его встретили шесть священников во главе с настоятелем собора. Совершили молебен и по разостланному на земле красным коврам прошли из собора в монастырь, где мать игуменья Рафаила преподнесла его императорскому высочеству икону собственного письма. Потом еще один молебен, потом чай, на следующий день в присутствии великого князя, его свиты, духовенства,

местных властей и горожан панихида по новопреставленному наследнику Георгию Александровичу, потом отъезд... в Архангельск по воде, а оттуда уже по железной дороге в столицу.

Что же касается дороги до станции Няндомы, то три тысячи бревен и сто тысяч жердей, которые все же успели закупить, остались лежать на дороге. Через два года после визита великого князя часть болотистых мест на одном из участков все же застелили и даже смогли два раза по этому участку проехать на колесах. И тут земство Каргопольского уезда, по которому должна была пройти часть дороги, решило отказаться от участия в строительстве, несмотря на то что уже и губернский распорядительный комитет был согласен. Весной 1902 года одни крестьяне отказались строить мост на одном участке дороги, а другие запросили за ремонт другого участка такие деньги... В 1912 году только переписка по вопросу строительства дороги в Няндому представляла собой огромный том. Только переписка, а дорога... Конечно, это не та Россия, которую мы потеряли, а та Россия, которую, как ни теряй...

И еще одно событие ознаменовало конец девятнадцатого века. К этому времени Вага так подмыла крутой берег в том месте, где стояло городище, что он стал обваливаться. В 1897 году местные власти все же удосужились осмотреть берег и увидели, что еще видны земляные валы, переходы между ними и тайные ходы к Ваге. Еще можно было зарисовать и нанести на план два сохранившихся рва, которые когда-то опоясывали крепость и в которых то и дело находили чугунные ядра. Увы, никто этим не озаботился.

Союз смолокурных артелей

Начиная с 1860-х годов власти стали ссылать в Шенкурск политически неблагонадежных граждан. Побывала в Шенкурске Вера Засулич, побывали члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Меркулов и Романенко, побывал не вылезавший всю жизнь из ссылок социолог, экономист и идеолог народничества Василий Берви-Флеровский, побывал... Впрочем, теперь эти фамилии, быть может за исключением Веры Засулич, уже почти никому ни о чем не говорят. Из тех ссыльных, кого усилием воли еще можно вспомнить... Впрочем, по имени и фамилии Григория Мачтета тоже не вспомнить – только по стихотворению «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил...», которое он написал на смерть умершего в тюрьме студента Чернышева. Стихотворение это стало революционной песней, которую, как говорят, любил петь в компаниях своих товарищей вождь мирового пролетариата. Именно эта песня в исполнении хора Большого театра звучала на его похоронах. Мачтет написал еще повесть «Блудный сын» об отношениях интеллигенции и народа, но ее уж точно никто не вспомнит. Кто там был блудным сыном – народ или интеллигенция... Да и к Шенкурску это не имеет никакого отношения.

Уже в 1870-х годах в Шенкурске проживало более ста ссыльных. Сидеть и просто ждать, когда окончится срок ссылки и можно будет уехать, эти люди не умели. Они умели агитировать. Правда, их агитация не всегда нравилась крестьянам. В селе Благовещенском ссыльных грузинских социал-демократов за попытки вести агитацию и разговоры о причинах поражения в русско-японской войне крестьяне хотели избить. Не потому, что их не устраивал разбор причин поражения – они его даже слушать не стали, а потому, что крестьяне Шенкурского уезда приняли грузин за японцев и решили, что настал подходящий момент отомстить за поражение в войне.

Ссыльные принадлежали к разным политическим партиям и течениям. Не всегда эти течения мирно текли в одном русле. Случались и завихрения. К примеру, социал-демократы разругались вдрызг с народниками. И все это на глазах у шенкурских обывателей. В мае 1905 года в Шенкурском уезде в Великониколаевской волости возник первый подпольный политический кружок. Члены этого кружка приняли деятельное участие в событиях лета и осени того же года. В августе в Шенкурск приехал губернатор, но его приезд на обстановку никак

не повлиял – она продолжала накаляться. В октябре некоторые горожане и часть крестьян из окрестных деревень разгуливали по городу с красным флагом²², пели песни и призывали к свержению самодержавия, а в ноябре в Шенкурске состоялся первый крестьянский уездный съезд, на который собрались сто делегатов из разных волостей. Три дня город кипел – печатались бесчисленные прокламации, обращения (в Шенкурске к тому времени уже была подпольная типография) и расклеивались по всему городу. Полиция сидела тихо и носа на улицы не показывала. Съезд, понятное дело, постановил, что все земли, включая удельные, монастырские, дарственные и частных владельцев, нужно отобрать и отдать тем, кто их обрабатывает. Требовали созыва Учредительного собрания, призвали прекратить выкупные платежи за землю, не платить земельного налога, а лесом из удельных дач пользоваться безвозмездно, то есть даром.

Делегаты решили создать Союз шенкурских крестьян. Избрали уездное бюро и решили на местах, в волостях, организовать сельские комитеты и дружины самозащиты. Что удивительно – в соседнем Вельске или в Каргополе и близко такого не было, а в Шенкурске, как писал местный исправник архангельскому губернатору, «...народ пришел в состояние какого-то неистовства... Полиция бессильна принять репрессивные меры...». В январе 1906 года в городе прошел второй крестьянский съезд, объявивший Союз шенкурских крестьян частью Всероссийского крестьянского союза. К осени 1907 года беспорядки в Шенкурске все же прекратились. Не без помощи губернских властей, по приказу самого Столыпина пославших туда две роты солдат и почти сотню казаков. Солдаты и казаки под командой вице-губернатора полтора месяца наводили порядок в городе и окрестных деревнях. Арестовали около полусотни активистов крестьянского движения, среди которых были крестьяне, учителя, сельские старосты и писари. Правда, некоторым все же удалось скрыться. Самовольные порубки леса, происходившие во время волнений, прекратились, крестьяне повинились, порубленный лес вернули хозяевам, и удельная лесная стража смогла вернуться на места службы.

И все же архангельский губернатор в своем донесении писал: «Наступившее наружное успокоение в Шенкурском уезде, достигнутое исключительно путем репрессивных мер, отнюдь не может еще считаться прочным и продолжительным, ибо все те коренные причины, которые вызвали столь ожесточенную вражду бывших удельных крестьян Шенкурского уезда к уделу, остаются по сие время неустраненными, и, следовательно, есть полное основание предполагать, что крестьянские беспорядки в Шенкурском уезде в ближайшем будущем могут возникнуть вновь и притом, быть может, с еще большей интенсивностью». Как в воду глядел.

Вообще в Шенкурске и уезде были большие мастера по части объединиться и выступить единым фронтом. Уже в 1901 году важские смолокуры стали объединяться в артели, чтобы противостоять произволу скупщиков смолы и других продуктов смолокурения. К 1906 году артели контролировали почти половину архангельского экспорта. И это не замедлило дать свои результаты – смолокур-артельщик стал получать за бочку смолы на треть больше. Артельщикам мешали чиновники, мешали крупные компании, державшие в своих руках экспорт смолы, но они сумели объединиться и создать Союз смолокурных артелей Важской области, куда вошли артели не только Шенкурского, но и Вельского и Сольвычегодского уездов. К 1918 году в Союз входило свыше пятидесяти тысяч человек, ему принадлежало шесть барж, два с половиной десятка различных предприятий, среди которых лесопильный завод в Шенкурске, коммерческое училище и типография. Смолокуры издавали собственный журнал «Важская область», редактором которого был организатор и председатель правления Союза Александр Егорович

²² Флаг этот с надписью «Свобода. Равенство. Братство» чудом сохранился и висит теперь в краеведческом музее рядом с иконой преподобного Варлаама Важского (в миру Василия Степановича Едемского), фотокопией рядной записи о покупке Шенкурского погоста новгородским боярином Василием Матвеевичем Едемским у старосты Азики с братией и фотокопией фотографии, на которой Яков Иванович Едемский, далекий потомок новгородского боярина Василия Матвеевича Едемского, сидит под лозунгом эсеров. Не то чтобы все смешалось в доме Едемских, но...

Малахов. Журнал, спустя недолгое время ставший, как и весь Союз, поперек горла большевикам. Склады с товарами Союза были не только в Архангельске, Котласе, Москве и Нижнем, но и в Лондоне, Ливерпуле и Ньюкасле. Кроме Союза смолокурренных артелей Важской области в уезде действовало более двух сотен самых различных кооперативов и потребительских обществ, которые объединяли более одиннадцати тысяч пайщиков. Это все, конечно, скучные и пыльные цифры, но как подумаешь, что из этого кооперативного движения могло вырасти даже в таком глухом таежном углу, как Шенкурский уезд, даже на такой бедной, каменистой земле и в таком суровом климате, если бы не...

«Новое в смолокурении»

Известие об октябрьских событиях в Шенкурске, который и без того лихорадило начиная с февраля, приняли с редким единодушием. Уездный съезд Советов, который прошел буквально через пару недель после переворота в Петрограде, подавляющим большинством голосов большевиков осудил. Уездный комиссар, эсер Яков Леванидов, так и сказал: «Съезд, с негодованием узнав о преступной попытке большевиков захватить власть за три недели до Учредительного собрания, о братоубийственной войне на улицах Петрограда... призывает все крестьянство самыми решительными мерами бороться с кадетской и большевистской пропагандой, сомкнуться вокруг советов крестьянских депутатов... полное доверие Совету Российской республики и вождю народа Керенскому... С нетерпением ждем созыва свободно избранного Учредительного собрания...»

Подождать до созыва и разгона большевиками Учредительного собрания нужно было недолго – всего два месяца. За эти два месяца большевики исхитрились устроить забастовку на лесопильном заводе, принадлежавшем Союзу смолокуров. Одним из шенкурских большевистских агитаторов был сын местного купца второй гильдии Федора Пластинина Никандр, уже успевший к тому времени стать профессиональным революционером, прожившим в эмиграции вместе с женой Ревеккой – такой же профессиональной революционеркой, как и он сам, десять лет. Между прочим, вернулись пламенные революционеры в Россию в апреле 1917 года в plombированном вагоне вместе с друзьями по партии и ее вождем. Жена Пластинина на лесопильном заводе не агитировала – она была занята организацией женского социалистического клуба.

Пятого января, в день открытия Учредительного собрания, в Шенкурске открылся Второй уездный съезд Советов. Съезд проходил скучно – все замерли в ожидании результатов работы Учредительного собрания в Петрограде. Председателем избрали левого эсера Георгия Иванова, а вот его заместителем и секретарем были избраны большевики, причем секретарем стала Ревекка Пластинина.

После роспуска Учредительного собрания, Третьего всероссийского съезда Советов и Первого губернского съезда Советов в конце февраля 1918 года собрали Третий уездный съезд Советов, чтобы разъяснить городу и уезду решения центральных и губернских властей. На этом съезде большевиков и левых эсеров было уже больше, и делегаты, в основном вернувшаяся домой с фронта и распропагандированная молодежь, подавляющим большинством голосов одобрили роспуск Учредительного собрания и поддержали решения Всероссийского съезда. «Принимая во внимание, что Учредительное собрание было последней ставкой нашего исконного врага – буржуазии... подтасовано буржуазией... приветствуем декрет Центрального Комитета и постановление о роспуске...»

Съезды следовали один за другим. В самом конце марта прошли объединенный съезд Союза смолокуров Важской области и Четвертый съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов. Никандр Пластинин произнес зажигательную речь и так зажег делегатов, что часть коммунистов стала требовать расстрела председателя правления Союза смолокуров Малахова.

К счастью, обошлось, но после того как часть кооператоров во главе с Малаховым ушла и решила заседать отдельно, съезд все же решил арестовать Малахова, члена правления Союза смолокуров Дегтева и инструктора Костылева. Их арестовали и препроводили в городскую тюрьму. Это было второго апреля, а через десять дней пришла телеграмма из Совнаркома о том, что правительство пришло к соглашению со Всероссийскими кооперативными организациями и потребовало прекратить преследование кооператоров. В Шенкурске на эту телеграмму не обратили никакого внимания, а местный уисполком арестовал еще несколько кооператоров и конфисковал кооперативную типографию. Еще через неделю Малахов и два его товарища по несчастью попросту сбежали из городской тюрьмы. Вернее, ушли, поскольку никто из надзирателей их не стал задерживать.

Забегая вперед, скажу, что Малахову удалось эмигрировать и он дожил до 1950 года и издал в Лондоне воспоминания «Русская кооперация и коммунисты». Он даже смог продать в Лондоне смолу и пек, принадлежавшие Союзу и хранившиеся там на складах. Дегтева расстреляли в Вологде в сентябре того же года, а Костылева тоже расстреляли, но уже в 1938-м в Архангельске. То есть его сначала посадили на два года в 1921 году, он отсидел, вышел, издал книгу «Новое в смолокурении», потом снова отсидел пять лет, потом работал в Архангельском институте промышленных изысканий, а уж в 1937 году его взяли насовсем. Что же касается Союза смолокурных артелей Важской области, то он прекратил свое существование тогда же – в апреле 1918 года.

Весной 1918 года Шенкурский УИК потребовал у местного Свято-Троицкого монастыря, у которого зимой уже были конфискованы почти все земли, в трехдневный срок выплатить семьдесят две тысячи рублей. В противном случае власти угрожали конфисковать все церковное имущество. Жители города и близлежащих волостей собрались у здания УИКа, требовали снизить сумму налога и оставить монастырю землю. Через какое-то время толпа проникла и в здание. Небо членам УИКа показалось с овчинку, и они побежали за подмогой на лесозавод. С трудом удалось здание от горожан очистить. Несколько дней УИК был в осаде, и его охранял вооруженный берданками отряд с лесозавода.

В мае в уезде появились первые продотряды, созданные из рабочих. Строго говоря, Архангельская губерния не входила в число губерний, которые должны были поставлять хлеб для того, чтобы прокормить рабочих в городах. В Архангельской губернии и без того хлеба собирали так мало, что приходилось его завозить, но эти несущественные детали нимало не интересовали председателя Шенкурского УИКа Иванова²³. Немедля уездные власти затребовали у губисполкома пятьсот винтовок и двести пятьдесят револьверов для проведения в жизнь политики партии. В Шенкурском УИКе сидели не просто горячие головы – у части его сотрудников голов не было вовсе. В конце мая 1918 года этот воспаленный орган советской власти обратился к жителям города и уезда с заявлением: «...Исполнительный Комитет заявляет, что во имя Всемирной Социальной Революции, во имя победы над всемирным союзом буржуазии для достижения намеченных целей Советская власть – власть только трудящихся не остановится сравнять с землей всю Архангельскую губернию, если это потребует».

²³ Белогвардейский журнал «Важская область» писал в 1918 году: «...Председатель УИКа Иванов не был похож на председателя в обычном понимании о таковом, а представлял нечто похожее на самодержца, разрешавшего высказывать лишь то, что желательно его воззрениям...» Георгий Иванов был из тех Ивановых, о которых Саша Черный писал: «...А вокруг от Ивановых содрогается земля». От Георгия Иванова она содрогалась недолго – в 1919 году он умер от тифа в Архангельской тюрьме. В нынешнем Шенкурске есть улица Георгия Иванова. И улица Никандра Пластинина есть. И обе они впадают в улицу Ленина. А куда им, спрашивается, еще впадать... Есть еще улица Хаджи Мурата. Не толстовского, а Хаджи Мурата Дзарахохова. Он командовал эскадром красных кавалеристов и воевал на Вельско-Шенкурском направлении. В 1936-м написал книгу воспоминаний «Жизнь Мурата Дзарахохова, рассказанная им самим». В ней он не писал, что его эскадрон за собой таскал целый обоз из сотни подвод с награбленным имуществом. Не писал и про то, как после сдачи белыми Архангельска его отряд использовался Архгубчека в качестве расстрельной команды.

В середине июня состоялся пятый уездный съезд Советов. Определенно по количеству съездов Шенкурск был в Архангельской губернии первым, а может, и не только в Архангельской. Обсуждение продразверстки и дополнительных местных налогов на крестьян довело съезд до раскола на правую и левую фракции. Правая голосовала против продразверстки и дополнительных налогов, а левая, состоящая из большевиков и левых эсеров, была за. В день закрытия съезда УИК объявил о созыве нового, шестого съезда через три недели. Волостные советы стали к нему готовиться. Волости в своих наказах требовали присылки хлеба. Это во время продразверстки! Требовали немедленного переизбрания УИКа, требовали четверть доходов от эксплуатации лесных угодий оставлять волостям...

Второго июля, за восемь дней до начала съезда, губернские власти выпустили постановление о частичной мобилизации военнообязанных, общей мобилизации военных специалистов, мобилизации обозных лошадей и повозок. К шенкурской бочке с порохом власть поднесла спичку. В город начали прибывать мобилизованные и устраивать митинги, а на митингах требовать у власти ответа, зачем их призвали. Мало того, они еще и выдвинули власти ультиматум, в котором требовали: «Объяснить на какой срок призывают куда и против кого шлют. Если против эксплуатирующих трудящиеся массы, то идти согласны на следующих условиях: гарантия немедленного материального обеспечения семьи до возвращения, обработка их участков земли, освобождение от реквизиции продуктов и скота, выдача по прибытии в Шенкурск оружия, снаряжения, обмундирования и обеспечение довольствием, удовлетворение мобилизованных недополученными деньгами по старым аттестатам за прежнюю службу в армии». Понятное дело, что никаких гарантий власть дать не могла и освобождать от реквизиций никого не собиралась, а уж про недополученные деньги за прежнюю службу в армии и говорить было нечего.

УИК принял решение о мобилизации отложить до съезда, а тем временем из Архангельска выехала в Шенкурск комиссия по мобилизации. Шестой съезд большинством голосов мобилизацию не поддержал. Не помогли даже уговоры и давление со стороны архангельской мобилизационной комиссии. Ее председатель – губернский комиссар Новов попросту приказал арестовать лидеров шенкурской оппозиции. Шесть человек были арестованы и под конвоем латышских стрелков отведены в Архангельскую тюрьму. Меньше чем через три месяца их расстреляют по постановлению Архгубчека. Большинство несогласных с мобилизацией делегатов, а их было более ста человек, покинули съезд, но большевиков это уже не смущало. Три десятка оставшихся проголосовали за мобилизацию.

Девятнадцатого июля кончился съезд, и в этот же день Коллегия военных комиссаров по обороне Архангельского порта и Северного края объявила Шенкурский уезд на военном положении. Митинги и любые собрания запрещались. Еще через два дня в селе Спасском Шенкурского уезда, на мельнице, собралось на совещание руководство комитета мобилизованных²⁴, состоявшее из бывших офицеров. Кстати, эти офицеры были в основном учителями, офицерами их сделала Первая мировая война. На митинг прибыли архангельские комиссары из мобилизационной комиссии, которых немедленно посадили под арест. Комитет отправил парламентариев в Шенкурск, поскольку рассчитывал на мирное разрешение конфликта. Переговоры с УИКом кончились тем, что здание казарм, где заседал УИК, было окружено вошедшими в город отрядами восставших. Тем временем комитет мобилизованных выпустил воззвание к населению Шенкурска и уезда, в котором говорилось: «Власть, назвавшая себя рабочей и крестьянской, нагло обманула народ. Вместо хлеба, мира и воли она дала измученному народу голод, братоубийственную бойню и вконец растоптала все свободы. В довершение всех наси-

²⁴ Если бы события 1918 года собрать и рассыпать в прошлое Шенкурска и уезда, то наверняка хватило бы если не до покупки Едемским Шенкурского погоста у старосты Азики с братией, то уж точно до постройки крепости при Михаиле Федоровиче. Впрочем, такой бурной истории никакому городу не пожелаешь.

лий эта власть объявила новую мобилизацию... Насильники арестованы и находятся в надежном месте. Арестован их руководитель и тиран уезда Иванов».

Засевшие в казарме насильники во главе с тираном отстреливались четыре дня. В уезде началась Гражданская война. Для начала убили случайно проходившего мимо подростка по имени Никифор Лукошков. Помните чугунную пушку, которая была отлита на пушечно-литейном заводе в середине семнадцатого века? Из нее стреляли во время ледохода. Повстанцы зарядили ее и установили в доме напротив казармы. Так она и не выстрелила. Видимо потому, что это был далеко не последний акт пьесы.

Из Архангельска в Шенкурск отправили чрезвычайного комиссара Попова с самыми неограниченными полномочиями. Попов должен был уладить конфликт между властями и населением. Ему дали мотоциклет с водителем, и он поехал, но до Шенкурска добраться не смог – его арестовали восставшие аккуратно у шенкурского перевоза через Вагу. Сопровождавший его небольшой отряд латышских стрелков разоружили. Попов под строгим присмотром председателя комитета мобилизованных прапорщика Ракитина смог уговорить засевших в казарме сдаться. Все они, после того как сдали оружие, были препровождены в городскую тюрьму. Им гарантировали личную безопасность. При Ревекке Пластиной был десятилетний сын, и ей предложили его оставить у какой-нибудь семьи в городе, но она отказалась, взяла сына в камеру и немедленно объявила голодовку.

Комиссар Попов по телеграфу очень просил Архангельск не присылать войска в Шенкурск, обещая все уладить миром. Само собой, под присмотром прапорщика Ракитина. В Архангельске не поверили и отправили в Шенкурск карательную экспедицию из балтийских матросов и латышских стрелков. Посчитали, что сорока штыков, одной пушки, нескольких пулеметов и десяти тысяч рублей на мелкие расходы хватит, чтобы утихомирить мятежный Шенкурск и уезд. Вместе с заместителем председателя Архангельского губисполкома Виноградовым в Шенкурск отправился и Никандр Пластилин – он к тому времени уже был секретарем губкома. Из Архангельска поплыли они по Северной Двине на барже, которую тащил буксир, а потом по Ваге на пароходе. По мере приближения отряда Виноградова к Шенкурску обстановка в городе менялась. Крестьяне близлежащих волостей решили держать нейтралитет. Крестьяне любят и умеют в нужный момент держать нейтралитет. Они, понятное дело, были бы и рады помочь повстанцам, но где взять оружие... Повстанцы решили город не оборонять, а отступить в верхние волости уезда и туда же забрать с собой арестованных, чтобы отдать под суд. Народный, то есть крестьянский. С архангельских комиссаров просто взяли честное слово и отправили на станцию Няндомы безо всякого конвоя. Еще и накормили. Еще и дали лошадей. Комиссары пообещали поговорить с шенкурским УИКом, чтобы он оставил в покое... Короче говоря, обещали переговорить. Через год или даже через полгода комиссаров расстреляли бы на месте, а пока Гражданская война только начиналась. Арестованных забрали не всех, а из тех, что забрали, один по дороге ухитрился сбежать. Вернее, одна. Этой одной была Ревекка Пластинина.

Все это происходило в последние дни июля. Первого августа в город вошел отряд Виноградова. Второго августа он объявил Шенкурск на осадном положении и приказал освобожденному из тюрьмы УИКу немедленно организовать ревтрибунал и арестовать представителей буржуазии и кулачества с целью подавления внутренней контрреволюции. Начались аресты. В следующем приказе было сказано, что «за каждого погибшего члена Губисполкома, Исполкома и других заложников, находящихся в руках бежавших главарей из комитета мобилизованных, будут расстреляны десять человек из числа пленных и заложников, принадлежащих к лагерю контрреволюции и буржуазии». Павлину Федоровичу Виноградову в ту пору было двадцать восемь лет. С пятнадцати лет он состоял в партии большевиков, уклонялся от призыва в царскую армию, успел побывать на каторге в Сибири, сидел в Шлиссельбурге, брал Зимний... Если

бы его не убили через месяц с небольшим в бою с белыми, этот комиссар пошел бы далеко. Мог бы дожить до 1937 года.

Между молотом и наковальней

Пока наводили революционный порядок в Шенкурске и рубили головы гидре внутренней контрреволюции, вдруг оказалось, что первого августа в Архангельске случился переворот, власть перешла к белым, а в устье Двины вошел английский крейсер и десантный транспорт. Эвакуированные советские власти Архангельска на пароходах быстро поплыли вверх по Двине. Кое-кто хотел остановиться в Шенкурске, вырыть окопы и дать бой интервентам, но... из стратегических соображений решили все же двигаться дальше вверх по Двине по направлению к Котласу. Восьмого августа белые с помощью англичан сформировали в Архангельске флотилию из четырех речных судов. Три из них пошли вверх по Северной Двине, а четвертое, «Лев Толстой», пошло вверх по Ваге к Шенкурску.

Пока белые с союзниками наступали, в Шенкурске и уезде... шла подготовка к чрезвычайному съезду Советов. Восьмого августа съезд приступил к работе. Белые и союзники уже подошли к месту впадения Ваги в Северную Двину, которое отстоит от Шенкурска на сто километров, а делегаты съезда принимали решение о немедленном аресте руководителей восстания мобилизованных и создавали ревизионную комиссию для оценки ущерба, причиненного народному хозяйству города и уезда. Посчитали все расхищенные новые гимнастерки, старые ботинки, погоны, фуражки, старые гимнастерки, шаровары, стеклянные фляги – и тут пришла телеграмма о том, что белые уже поднимаются вверх по Ваге и нужно срочно эвакуироваться. Двенадцатого августа ночью все председатели, их заместители и секретари вместе с военным отрядом погрузились на пароход «Шенкурск» и утром поплыли вверх по реке по направлению к Вельску. Через недолгое время председатель вельского УИКа телеграфировал в Вологду о прибытии тридцати двух шенкурских товарищей и отряда красноармейцев, которые «своим разнузданным поведением взбудоражили все местное население».

В середине августа в Шенкурске уже работала новая власть. Комендантом города был назначен руководитель восстания мобилизованных Максим Ракитин. Первого сентября было созвано земское собрание гласных прежнего созыва, а на следующий день в город вошли части шотландцев, приплывшие по Ваге на пароходе «Лев Толстой». Нельзя сказать, что новую власть приняли в Шенкурске и уезде с восторгом. Жители города и крестьяне уже не доверяли никакой власти. Уезд раскололся на три части. Одни держали сторону большевиков, а другие, те, кто с ними был знаком поближе и уже успел хлебнуть горя, повернулись к большевикам, мягко говоря, спиной. Третья и самая многочисленная часть выжидала. С востока к Котласу рвался Колчак, а со стороны Архангельска наступали белые и их союзники. Маленький Шенкурск оказался между молотом и наковальней.

Почти пять месяцев Шенкурск был оккупирован белыми, канадцами и американцами. Запасливые интервенты устроили в городе огромные склады, в которые завезли большое количество оружия, консервированных продуктов и добротного обмундирования. Шенкурск был сильно укреплен, но... в середине октября англичане решили прекратить наступление на Вельском направлении. Решили отложить его до весны, а весной, когда Северная Двина и Вага освободятся ото льда, с помощью речной флотилии можно будет успешно наступать. Пока решили зазимовать в Шенкурске. И без того войска отошли от базы в Архангельске почти на четыреста верст. Американцам эта бескрайняя заснеженная страна представлялась едва ли не Марсом. Снег, выпавший уже в середине октября, показался им зловещим знаком. Они вообще плохо понимали, какого черта они тут мерзнут и постоянно отбивают атаки красных. Страдали от холодов и нехватки табака. Пробовали курить сено и листья чая. Не понравилось. Еще хуже были листья хмеля, которые им предложили крестьяне. В одной из стычек в конце ноября

красные прижали к крутому берегу Ваги и уничтожили американский патруль. Американцы потом писали, что труп американского лейтенанта красноармейцы обезглавили, разрубили на куски и бросили. Его похоронили в Шенкурске, в закрытом гробу. Вот за этим американцы точно сюда не собирались.

К несчастью, о планах союзников спокойно перезимовать красным ничего не было известно. Последние в конце января начали наступление на Шенкурский выступ, имея трехкратное превосходство в живой силе и артиллерии. Нельзя сказать, чтобы американцы и канадцы стояли насмерть, обороняя Шенкурск. Они просто собрались и ушли из него в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое января. Вместе с ними ушли отряд белогвардейцев, отряд Славяно-Британского легиона и часть шенкурян. Через четыре года один из американских участников тех событий писал: «В серых арктических сумерках Шенкурск нервно сжался, как затравленный заяц, лежащий в снегу, притворился мертвым, чтобы обмануть охотника. Слабые огоньки света пробивались сквозь щели плохо укрытых окон...» Прикрывал отход русский добровольческий Шенкурский батальон²⁵.

Свои вступали в город, пленных не щадя... Начались грабежи американских складов. Кроме самих победителей, у которых руки были по локоть в американских консервах, винных погребах и английской военной форме, в город со всей округи съехались мародеры. Из Вологды постоянно требовали наступать дальше, но куда там... С большим трудом прекратили пьяные дебоши на улицах и грабежи. Устроили парад, и войска прошли торжественным маршем по Сретенской площади. После парада продолжили растаскивать то, что осталось на складах, и так увлеклись, что стали грабить население. Вернувшаяся советская власть ввела в городе классовый продуктовый паек. В город вернулся УИК. Тюрьма так переполнилась всеми теми, кто был замечен в связях с белыми и их союзниками, что ее начальник стал жаловаться Военно-революционному комитету. В комитете долго не думали и приказали «принять энергичные меры к производству следствия находящихся в доме заключения лиц, по возможности к разгромождению таковой от элемента ярко контрреволюционного». Можно себе представить, что ВРК подразумевал под «разгромождением». Аресты, расстрелы и грабежи совместили с непримиримой антирелигиозной борьбой. В Шенкурске были запрещены все богослужения. Спустя некоторое время все же разрешили службу в городском соборе, но чтобы никакого колокольного звона. За колокольный звон можно было сесть в переполненную тюрьму. И тут получилась неувязка. Не все советские граждане, включая и ответственных работников, изжили... порвали... отреклись... Короче говоря, советские граждане хотели венчаться. Хоть кол им на голове теши. Пришлось сдавать назад. Через три дня после взятия Шенкурска ВРК предписал священнику Кьяндского прихода Лыскову «немедленно обвенчать товарища Спиридонова Филиппа Александровича и никаких недоразумений о том, что он разведен бракоразводным отделом Архангельского Губисполкома с вашей стороны быть не может». Какие уж тут недоразумения, когда в это же самое время священников, агитировавших против советской власти, призывавших благословение на иностранных захватчиков и принимавших участие в восстании мобилизованных, расстреливали, а отчеты о расстрелах публиковали в городской газете «На борьбу».

²⁵ Командира Шенкурского добровольческого батальона штабс-капитана Воробьева расстреляют в декабре 1920-го. Прапорщика Ракитина красным выдаст крестьянка деревни Монастырской Шахановской области Шенкурского уезда. Его заставят отречься от белого движения и напечатают это отречение в газете «На борьбу», а затем расстреляют в мае 1920 года в Архангельске. Никандр Пластинин доживет до 1937 года и умрет в тюрьме Нижне-Удинска. Иван Боговой, председатель шенкурского УИКа с 1918 по 1920 год, будет расстрелян в 1937-м. Шенкурский уездный военком Василий Боговой, впоследствии кавалер двух орденов Красного Знамени, будет расстрелян в 1937-м. Комиссара Попова расстреляют в 1937-м. Только Ревекка Пластинина умрет своей смертью в 1950 году.

Больше скипидара

Через какое-то время Красная армия пошла дальше на север, а в израненном и измученном войной Шенкурске началась мирная советская жизнь с раскулачиванием, коллективизацией, пионерскими и комсомольскими отрядами, неурожаем в 1920 году и созданием в этом же году краеведческого музея. В 1930-м на лесозаготовках появились электропилы. Образовался Важский союз смолокурных кооператоров. Правда, от прежнего союза в нем было только название. Кроме обычной смолы и канифоли стали производить больше скипидара, уксусной кислоты и порошка уксуснокислого кальция, который применяют в пищевой промышленности. В районе появилось большое количество ссыльных с Украины. Их не расселяли по деревням. Их просто завозили в тайгу, и они сами строили себе поселки, работали на лесоразработках и умирали, умирали... Местных раскулаченных отправляли еще дальше – на Урал и в Зауралье, на берега Печоры. В 1932 году открыли педагогический техникум, а через два года его реорганизовали в педагогическое училище. В 1936-м от удара молнии сгорел деревянный восьмиглавый Михайло-Архангельский собор и сильно обгорел соседний каменный Благовещенский. Оба они стояли на высоком берегу Ваги, и ни одна дореволюционная фотография Шенкурска без них не обходилась. Поначалу власти использовали остатки Благовещенского собора под склад, а потом и эти остатки разобрали на строительные нужды. Теперь здесь детская площадка, и о том, что здесь стояли два собора, не напоминает ничего, кроме маленькой кирпичной сторожки.

Во время войны местные леспромхозы, помимо заготовок леса и пиломатериалов изготавливали лыжи, костыли, деревянные подошвы и обувь на деревянных подошвах, деревянные лопаты и санитарные двуколки, шили полушубки, собирали для фронта лекарственные растения и ягоды. Для того чтобы получить кусок туалетного мыла, нужно было сдать два килограмма сушеной черники, килограмм малины, два килограмма черной смородины, три килограмма шиповника и килограмм спорыньи. За два куса мыла нужно было отдать килограмм валерианового корня или десять килограммов разных лекарственных трав. На постройку танковой колонны жители района сдали около двух миллионов рублей. Больницу переоборудовали в эвакогоспиталь. В бывшем Свято-Троицком монастыре разместили детский дом. Там устроили более двухсот эвакуированных детей. Половина из них – сироты. Дети собирали металлолом и золу, которой удобряли поля. Сами шенкуряне и жители района питались впроголодь. Ели то, что выращивали на огородах. Ели цветки клевера, кислицу, молодые побеги и листья борщевика. На лесоповале давали хлеб и муку, разболтанную в кипятке. Из той нормы овса, которая полагалась на лошадь, можно было тайком выкроить себе горсть или две, поджарить их и съесть. В 1944-м району дали переходящее красное знамя Государственного комитета обороны. Две трети из тех десяти тысяч, что ушли на фронт, не вернулись.

После войны стали жить, конечно, лучше. В 1950-е годы здесь начали выращивать яблоки. В Вельске, который на сто сорок километров южнее, их выращивали уже с начала двадцатого века, а сюда они добрались только через пятьдесят лет. Педагогический техникум закрыли, потому что учителей начальных классов выпустили так много, что их некуда было трудоустраивать. В 1970-х в городе стали появляться первые газовые плиты, работающие на привозном баллонном газе. Часть улиц замостили бетонными плитами, поскольку асфальта не хватало. То есть не было совсем. Плиты до сих пор лежат. Правда, часть из них поднялась, и ездить по городу надо очень осторожно. Зато никому даже и в голову не придет превысить скорость. В 1973-м случился пожар в монастыре. В бывшем, конечно, монастыре. В тамошней церкви в то время работал кинотеатр. Назывался «Имени революции девятьсот пятого года». Танцы были, и духовой оркестр играл. После пожара власти хотели то, что осталось, взорвать и разобрать, но вызванные взрывники сказали, что стены очень крепкие – от взрыва постра-

дают окрестные дома. Власти и отступились. Теперь-то прихожане внутри все вычистили и все входы на всякий случай забили досками. На нижнем ярусе полуразрушенной колокольни даже установили колокола, но восстановить монастырь сил нет. В том смысле, что денег. Приезжал в 1997 году один богатый человек из Москвы, обещал, обещал... да так ничего и не сделал. Духовой оркестр, который играл в сгоревшем кинотеатре, сам по себе умер в 1987-м, но его никто восстанавливать не собирается. Еще был совхоз-миллионер со множеством коров, маслозаводом и овощами. Он, как и духовой оркестр...

Коктейль «Старый смолокур»

В семидесятые приходили по Ваге пароходы из Архангельска с углем и продуктами. Теперь не ходят – Вага сильно обмелела, да и дно ее стало из-за многочисленных молевых сплавов леса практически деревянным, устланным мореной древесиной. В перестройку приезжали в Шенкурск разные шустрые ребята и предлагали дно от мореного дерева освободить – дескать, чистое дно и судоходная река ваша, а древесина наша. Власти, конечно, заволновались, стали считать возможную прибыль... и решили не соглашаться на заманчивые предложения. Вдруг их обманывают, а оно того... оно больше как-нибудь стоит. Так и осталась Вага в Шенкурском районе несудоходной, и по ней никакие пароходы теперь не ходят. Да и уголь теперь не нужен. Леса пилят в округе столько, что городская котельная круглый год работает на одних опилках. Лес, как мне сказали, скупил на корню богатые люди из обеих наших столиц. Зимой его валят, а в остальные времена года пилят. На лесоповале можно заработать до тридцати тысяч, а на пилорамах – двадцать. Не бог весть какие деньги, но других возможностей заработать в Шенкурске нет.

Есть в Шенкурске аэропорт. Правда, давно заброшенный. Построили его еще в 1980-х. Часы на башне аэропорта остановились. Теперь никто отсюда не улетит и сюда не прилетит, а раньше можно было улететь и в Архангельск, и в Вологду. Да что в Вологду – до Ленинграда можно было долететь за три часа. Кукурузники летали по всему району. В здании аэропорта имелся буфет, и в нем можно было заказать коктейль «Старый смолокур», приготовленный из стакана водки, настоящей на зеленых сосновых шишках, с двумя каплями очищенного живичного скипидара.

– За что вы любите свой Шенкурск? – спросил я сотрудницу Шенкурского краеведческого музея Клавдию Ивановну Дунаеву, заранее зная ответ.

Обычно жители таких тихих, полумертвых или полуживых провинциальных городков и сами не знают, за что их любят. Их вообще любят, если, конечно, не ненавидят, не за что, а потому что. Чтобы от них отвязались с расспросами, скажут, что любят за тишину, за неторопливость, за рыбалку, за чистый воздух, за грибы и ягоды... Клавдия Ивановна ответила сразу:

– За то, что мы не боимся друг друга.

И посмотрела на меня, москвича, с сочувствием.

Июль 2018

Библиография

Овсянников О. В. Шенкурск. Архангельск, 1978.

Трошина Т. И. К вопросу о Вельском союзе хлеборобов // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 60–80.

Зобнин А. Н. Противостояние: Шенкурский уезд Архангельской губернии. 1918–1920 годы. СПб., 2018.

Студенцова Е. О. Сооружение грунтовой дороги от г. Шенкурск до ст. Няндомы Вологодско-Архангельской железной дороги в конце XIX – начале XX в. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 321–333.

Овсянкин Е. И. Евгений Иванович. Огненная межа. Архангельск, 1997.

Сметанин В. А. Становление Шенкурского уездного училища (Первая половина XIX века) // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 284–299.

Котов П. П. Смолокурный промысел в Поважье в первой половине XIX века // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 53–61.

ПОЛСТАКАНА СМЕТАНЫ С САХАРОМ (УРЖУМ)

Если из Москвы проехать тысячу километров на запад, то можно через Белоруссию добраться почти до польской границы, а если на восток и чуть-чуть на север, то ни до какого государства не доедешь. Зато доедешь до Уржума – маленького райцентра в Кировской области. Он и всегда был маленьким. С самого своего основания в шестнадцатом веке. Или не в шестнадцатом...

Ур и Жум

Если считать от того года, когда Уржум стал крепостью, то с 1584-го. Если от первого упоминания в летописях, то на тридцать лет раньше. Если копнуть поглубже, то выйдет марийский городок, который, если верить легендам, был чуть ли не столицей княжества луговых марийцев, которых подчинили себе русские во второй половине шестнадцатого века. Если еще глубже, то окажется, что до марийцев здесь жили удмурты – чужь и вотяки, которых марийцы вытеснили за Вятку, протекающую в десяти километрах к востоку от Уржума. Если же начинать с самого начала, то выходит, что люди здесь селились еще семь или восемь тысяч лет назад. Документов от них, конечно, не осталось – только скребки, рубила и разных размеров кости – свои и съеденных животных. От тех, кто жил в этих местах с третьего по шестой век нашей эры, остались разнообразные и довольно затейливые нагрудные и поясные бронзовые подвески, халцедоновые бусы и даже обрывок холщового передника с медной булавкой, которые теперь украшают собой одну из витрин Уржумского краеведческого музея. Их нашли в 1968 году на территории Уржума при строительстве детского комбината.

Угро-финнов, а точнее, удмуртов, а еще точнее, чужь и вотяков, к двенадцатому веку вытеснили марийцы. Марийцы, когда пришли русские, уходить не стали – да и некуда им было уходить. Стали жить рядом в своих же лесах, полях и по берегам рек, названия которых остались прежними. Одной из таких рек, а вернее речек, была Уржумка. В переводе с марийского это значит «белку видел». Наверное, белок в этих местах раньше было много. Впрочем, раньше и волков с медведями здесь было много, но... белка так белка. Думаете, на гербе города Уржума белка? Как бы не так. На гербе Уржума гусь. Правда, гербом марийцы не заморачивались – жили без него. Неплохо, между прочим, жили. Ну до герба мы еще доберемся. Краеведы, историки, этнографы и лингвисты не были бы сами собой, если бы не стали расчленять название Уржума на отдельные буквы и даже крючки с черточками, чтобы узнать, где находится исток этого слова. Оказалось, что слово это домарийского происхождения, к белкам не имеет никакого отношения и означает лесную речку. Так что с гусем, конечно, вышла ошибка, но и с белкой тоже получилось не очень. Это если вкратце. На самом деле существует еще как минимум пять гипотез и легенд, объясняющих, почему Уржум называется Уржумом. Среди них и легенда о жизни и удивительных приключениях двух марийцев по имени Ур и Жум и топоним Уржон, означающий укрепление на горе, и предположение о том, что марийцы, теснимые татарами, пришли в эти места из Костромской области, с берегов реки Рижум, название которой превратилось в Уржумку, и гипотеза Василия Никитича Татищева о том, что Уржум и вовсе татарское слово и означает, в переводе на современный язык, аплодисменты, и... хватит, пожалуй, или... нет, еще одно, последнее и самое страшное предположение уржумских краеведов о том, что Уржум – это марийское Вурзым, а «вур» – это по-марийски «кровь», и выходит, что Уржумка – совсем не лесная речка мирных вотяков и чуди, а кровавая река марийцев, потому что на ее берегах русские колонизаторы убили десять тысяч марийцев, собравшихся на большое моление. Теперь уж точно все.

Русская крепость

Впервые Уржум упоминается в Никоновской летописи под 1554 годом. В тот год русские воеводы «призвали Бога в помощь, пошли из Казани Арьскою дорогою на высокую гору к засеке и направо побережных людей по Чувашской дороге... и во многие места послали головы воевати и сами идучи на Арско и к Нурме и на Уржум идучи, воевали и жгли во всех местех. А пришли воеводы на Нуржум, от Казани десять днищ ходу...». Еще бы им не воевать – с момента взятия Казани прошло всего два года, и марийцы, которые и сами по себе не испытывали восторга по поводу русской колонизации, да еще и подстрекаемые и казанскими, и сибирскими татарами, и ногайцами, и крымчаками, волновались так, что русские воеводы не успевали отращивать головы для рассылки. В летописи Уржум упоминается еще раз, но уже как Оржум. То ли летописцу понравилось само название Уржум, и он его писал на разные лады для собственного удовольствия, то ли так было написано в отчетах воевод, а монах-переписчик копировал каждую букву не думая... Может, имелся в виду марийский Уржум, может, местность, может, река, а может, и то, и другое, и третье.

Что касается года постройки русской крепости... согласимся на том, что поставили ее в 1584 году, иначе придется разбираться, почему академик Тихомиров считал, что поставили Уржум в 1595 году, а по данным других ученых – в 1588-м, а по данным третьих — в 1592-м или в 1594-м... Уж если местные краеведы считают, что в 1584-м, то, значит, точно не раньше этого времени. Уж они-то, будь хоть малейшая возможность прибавить хотя бы день...

Ставили крепость воеводы Владимир Головин и Семен Еропкин. Так записано в разрядных книгах за 1594 год. Через шестьдесят пять лет старожилы-марийцы еще помнили, а «иные ведали от отцов своих... как де поставили город Уржум Володимер Головин да Семен Яропкин, и деревни де Сарды у черемисы пахотные земли и сенные покосы отошли все под город и под городовые поля и пашню уржумским детям боярским и стрельцам, а их де черемис с тех старых отар перевели на новую усадьбу, где они ныне живут», о чем они и рассказывали монахам Уржумского Спасского монастыря.

Понятное дело, что аборигены этим вынужденным перемещениям не обрадовались. Мало того, их еще заставили под надзором стрельцов рубить городские стены и башни. Правда, строили не только марийцы, но и русские крестьяне, и стрельцы, и посадские люди, но только марийцам было запрещено проживать в городе, оставаться в нем на ночь, въезжать без разрешения властей и вообще селиться в радиусе пяти верст от городских стен. Уржум был небольшим городом даже и по тем временам – городской периметр составлял всего около двухсот метров. Крепость имела семь башен и трое городских ворот. Внутри – тюрьма, церковь, воеводская и разрядная избы. Ничего особенного, практически типовый проект.

Уже в 1592 году первому уржумскому воеводе Головину пришлось подавлять восстание марийцев, вспыхнувшее сразу в дюжине волостей. Удивительно было бы, если бы марийцы не восстали – колонизаторы сгоняли их с насиженных мест, объявляя земли, на которых они жили не одну сотню лет, собственностью русского царя, и насильно обращали в новую веру. Собственно говоря, Уржум и задумывался не только как военная крепость, но и как один из центров христианизации южных вятских земель. Вообще, отношения московских властей с местным марийским населением были настолько напряженными, что даже в середине семнадцатого века, когда первый острог обветшал и пришел в негодность, немедленно был выстроен новый, окружен валом и заполненным водой рвом. Это было сделано тогда, когда граница Московского царства уже отодвинулась от Уржума далеко на восток.

Русского населения в конце шестнадцатого и в начале семнадцатого веков в этих местах было, что называется, кот наплакал – раз в десять меньше, чем марийцев. Даже в середине семнадцатого века вокруг Уржума было всего полторы сотни русских дворов, при том что

марийских более полутора тысяч. Правда, были еще не учтенные никакими переписями беглые русские крестьяне, промышлявшие разбоем в глухих уржумских лесах. К слову сказать, они занимались им еще очень долго, и только советская власть смогла с этим промыслом покончить навсегда. И вообще русское население в те годы увеличивалось не столько за счет естественного прироста, сколько за счет постоянного притока беглых крестьян из западных областей.

Вернемся, однако, к воеводам. Обычно их было двое, и подчинялись они московскому приказу Казанского дворца и казанскому воеводе в Казани. В случае военных действий первый воевода отправлялся в поход, а второй командовал крепостным гарнизоном и назывался осадным головой. В мирное время осадный голова командовал караульной, воротной и пушкарской службами. Ему же подчинялись плотники, кузнецы и прочие «осадные» люди. Воеводская служба в таких городках обычно была срочной – через год воевод переводили в другое место. Пусть в такую же, на краю света, крепость вроде какого-нибудь Яранска, Царево-Санчурска или Малмыжа, но на одном месте сидеть не давали. В редких случаях воевода мог усидеть на одном месте два года и уж в совсем в исключительных – три. Причина тут проста и банальна – стоило только воеводе обжиться, войти в близкие отношения с дьяками, земскими старостами и другими приказными людьми, как немедля, точно плесень на лежалой краюхе хлеба, возникало мздоимство, дорогие кокошники воеводским женам ко дню ангела воеводы, неучтенные белки и куницы, сданные аборигенами в счет подушного налога... Кстати, о налогах. В тридцатых годах уже семнадцатого века было велено марийцам с трех дворов одного человека давать на работы в Уржум, а еще раньше, в 1615 году, их призвали в народное ополчение князя Пожарского. Уржумские стрельцы принимали участие в боях под Смоленском с поляками, служили на Дону, ходили против атамана Заруцкого. В наказе стрелецким головам в мае 1614 года сказано: «Над Ивашком Заруцким и над Маринкою и над выблядком под Астраханью промышлять, а что учнется у них делать, о всем писать ко князю Ивану Никитичу Одоевскому, а для тех посылок послано с ними сто человек уржумских стрельцов». Уржумский сотник Петр Онучин, впоследствии уржумский воевода, даже принял участие в поимке Заруцкого. Справедливости ради надо сказать, что другой уржумский стрелец, Максим Сальцов, успел побывать одним из главарей восстания против царя Василия Шуйского в соседнем Котельниче.

Фактически Уржум был военной частью за частоколом из дубовых бревен. Большую часть его населения составляли стрельцы – их было в 1625 году при воеводе Гавриле Хотунском две сотни, плюс два десятка конных служилых дворян, шестьдесят пять иноземных наемных солдат нового строя (литва и немцы), да к ним три толмача и семь десятков новокрещеных из местных. Еще воротники, кузнец, два попа (по количеству церквей) и один пономарь. Еще бражничество, мордобой, игра в карты и зернь, домогательства до поповен и прачек, марийки, что ни день приносящие в подолах незаконнорожденных стрелчат... Как со всем этим управлялся Гаврила Афанасьевич, даже с помощью стрелецкого головы и двух сотников – ума не приложу.

И все это воинство, всех приказных, всех подьячих, всех начальников канцелярий и всех письмоводителей нужно было содержать. Их и содержали жители посада и окрестные крестьяне, платившие стрелецкий налог на содержание войска, полоняничный налог на выкуп пленных, ямской на содержание почтовых станций и ямщиков, подворный, торговый, промысловый, на сенокосы... И это не все. Крепость в случае нужды ремонтируй, дома в городе строй, церкви строй, ратников в ополчение дай. И еще. По правилу, которое тогда действовало, население могло жаловаться на приказных только по истечении срока их службы, а во время оной... даже и не думай.

Использовался Уржум и как место ссылки. В 1627 году сюда сослали подьячего Посольского приказа Алексея Шахова за вымогательство. Сослали вместе с женой и детьми. Пришлось ему служить в Уржуме подьячим воеводской избы. Перевестись в другой город он мог

не иначе как по государеву указу. Шахову еще и повезло, поскольку другой москвич – князь Федор Андреевич Шелешпанский просидел в тюрьме уржумского острога два года, после чего был отправлен с чадами и домочадцами на житье в Тобольск. Князь Федор денег не вымогал, но проходил по политической статье, и ему тоже повезло – мог и головы лишиться.

И все же мало-помалу Уржум превращался в обычный город. К концу семнадцатого века в поминальной книге «Синодик Уржумского Троицкого собора» можно найти двух садовников, одного иконника, торгового человека из Москвы, двух купцов гостиной сотни и даже одного из Шустовых. В те времена, однако, они владели соляными, а не коньячными промыслами. Начиная со второй половины семнадцатого века на западноевропейских картах появляется город Oursum. Правда, на этих картах он расположен на левом, а не на правом берегу Вятки, но это лучше, чем ничего.

«Жители его суть пахотные солдаты...»

Восемнадцатый век Уржум встретил тихим уездным городом Казанской провинции. Пограничным он быть перестал, поскольку граница от него отодвинулась. Тем не менее крепость еще стояла, но «шесть башен ветхи, згнили и обвалились, две стены згнили и обламались». На Спасских городских воротах еще были установлены две тридцатипудовые медные пушки и одна на колесах, в арсенале еще хранились три затинные пищали, почти пятьсот железных ядер, тридцать с лишним пудов свинца, пять пудов фитилей и пороху пушечного двадцать пудов семнадцать гривенок с полугривенкою, но он «в стрельбу не годен, потому что сыр».

Что же касается населения, то марийцы, частью переселенные, частью переселившиеся сами, частью крещенные и ассимилированные, больших проблем для властей не создавали. Вернее, уже не могли создать. И вообще вокруг Уржума число марийских деревень изрядно уменьшилось. Бежали марийцы от непосильных податей, которыми обложил их царь Петр, от рекрутчины, в поисках лучших земель в Предуралье, в бассейн реки Белой. Надо сказать, что и русские крестьяне тоже были мастера наострить лыжи от налогов. В те времена вятские леса были настолько густыми, что беглые крестьяне, не желавшие бежать далеко, основывали новую деревню буквально в нескольких верстах от старой и не один год в ней жили, пока их случайно не обнаруживали. В 1716 году власти устроили перепись населения. И тут вдруг выяснилось, что за двенадцать лет, прошедших со времен прошлой переписи, в уезде опустело более четырехсот дворов и подались в бега восемьсот с лишним человек, главным образом марийцев. Вообще население уезда сократилось на две с половиной тысячи человек, при том что в 1716 году числилось всего десять с небольшим тысяч, включая и русских, и марийцев. Переписчик, какой-нибудь юркий, как таракан, подканцелярист, которого еще по старой памяти называли подьячим, в протертом на локтях кафтане и «с прилипнувшим где-то куриным пером» на спине, писал: «Бежали, померли, отданы в рекруты, сосланы на вечное поселение, на работу в Санкт-Петербург, в башкирский бунт побиты, на каторгу, постриглись, пропали без вести». Крестьян можно понять – уж лучше бежать, чем все остальное. Впрочем, времена изменились – теперь на работу в Санкт-Петербург из Уржума и уезда уезжают добровольно и с охотой.

Чтобы уж закончить с крепостью: по переписи 1747 года, в Уржуме, кроме ста шестидесяти душ купеческого сословия, полутора десятка иноземцев, семи десятков пахотных солдат, шести цеховых ремесленников, баб и детишек без счету еще числилось семь душ пушкарей и восемь воротников. Стало быть, в середине восемнадцатого века ворота еще открывались, и пушки, пусть и ржавые, пусть и с такими же ржавыми ядрами, все еще могли стрелять, если подсушить отсыревший порох, но уже к 1780-м годам крепость сгнила до основания, и от нее не осталось и следа. Остался только вал, который обозначен на плане того времени. План этот украшает собою один из залов краеведческого музея, и на нем, кроме зеленых квадрати-

ков, обозначающих то ли три, то ли четыре с половиной жилых квартала, рек, а вернее, речек – Уржумки и Шинерки, кладбища, соляного амбара, винного склада, инвалидной слободы, двух деревянных мостиков через Уржумку, столбовых дорог на соседние города Малмыж и Нолинск, нет больше ничего. Не было даже Московской улицы, которая была в те времена почти во всяком уездном или вовсе заштатном городе, чтобы можно было все бросить, сесть в коляску и по ней укатить, поднимая тучи пыли, в Москву или, на худой конец, в Казань. Хотя... насчет дороги в Казань я, пожалуй, призагнул. Была в Уржуме Казанская улица, по которой можно было, выехав из города, доехать до самой Казани, много лет приходившейся Уржуму губернской столицей. В 1780 году от огромной Казанской губернии отделили Вятское наместничество, в состав которого среди прочих уездных городов вошел и Уржум. Уржумские мужики, обычно оценивавшие колеса проезжающих телег и экипажей на предмет того, доедут ли они до Казани или нет, еще долго не могли привыкнуть говорить Вятка вместо Казани.

Кстати, о проезжающих. В 1770 году проезжал через Уржум участник естественно-научной экспедиции академика Палласа капитан Николай Петрович Рычков. Не просто так проезжал, а с целью изучения и описания всего, что попадалось ему по пути: городов, рек, железоделательных, салотопенных и кирпичных заводов, рыбных и соляных промыслов, древностей, способов плетения лаптей и засолки огурцов, торговли, растений, сусликов, мышей, жужелиц и полезных ископаемых. Об Уржуме Николай Петрович записал в своем журнале буквально следующее: «В нем три каменные церкви, до 300 обывательских домов и несколько лавок, в которых продают разную крестьянскую рухлядь. Жители его суть пахотные солдаты, черносолонные купцы и часть инвалидной команды, поселенной на полуденном конце города. Известно, что в городе Уржум находится воеводское правление».

Обычно уржумские краеведы в работах об Уржуме ограничиваются лишь этой цитатой из журнала Рычкова, а зря. Несколькими строчками ниже любознательный капитан пишет вот что: «Между делами в канцелярском архиве думал я найти какое нибудь известие о древности сего города; но на посланное от меня сообщение Уржумская воеводская канцелярия ответствовала, что в старинных делах не значится ни время, когда сей город построен, ниже какие народы прежде сего в сем месте обитали». Еще и двухсот лет не прошло, как уже все поросло таким густым быльем... По крайней мере, для Уржумской воеводской канцелярии. Впрочем, может, местные чиновники просто не хотели открывать архивы приезжему из столицы. Это он так говорит, что интересуют его дела давно минувших дней, полезные ископаемые и тычинки с пестиками, а как начнет копать...

И еще о Рычкове. Вернее, не о нем, а о расположенных в Уржумском уезде медеплавильных заводах, которые он осмотрел и подробно описал. За сорок лет до его визита два хлыновских купца, Александр Фирсович Прозоров и Вонифатий Иванович Дряхлов, послали в низовья Вятки хлыновского же посадского человека Тимофея Рукавишникова для рыбной ловли. Теперь уже и не узнать, наловил он им рыбы или нет, но приехал Тимофей к Александру Фирсовичу и Вонифатию Ивановичу с образцами медной руды, которую отыскал на берегах речки Шурминки. То ли у Рукавишникова было два образования – рыбное и медное, то ли он вообще любил искать руду в свободное от рыбной ловли время... Как бы там ни было, а хлыновские купцы решили от своего счастья не бегать – через год ими было получено от Берг-коллегии разрешение на постройку завода, а еще через год на Шурминке уже стояла плотина, были устроены водовод и колеса, вращавшие воздуходувные меха у печей и горнов, сложены две плавильные печи, прорублены в лесах дороги, и по ним крестьяне повезли на телегах к печам руду. Медь правительство скупало у купцов по принудительной цене – пять с половиной рублей за пуд. Из этого пуда выходило медных денег на целых шестнадцать рублей. В благодарность за разницу в десять рублей правительство разрешало владельцам частных заводов приписывать к ним государственных крестьян. Шурминский медеплавильный завод исключением не был – к нему приписали около трех сотен крепостных, да еще почти столько же было пришлых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.